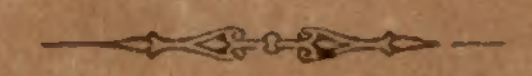
I.

ПО ПОВОДУ ПОѢЗДКИ БРИГАДИРА БЭЕРА НА УРАЛЪ и ВЪ СИБИРЬ

въ 1744—1746 годахъ.

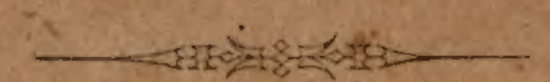

II.

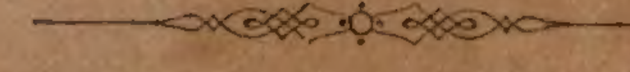
МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ГОРОБЛАГОДАТСКИХЪ ЗАВОДОВЪ.

П. О. ЧУПИНА.

ПЕРМЬ.
Типографія Н—ковъ П. Ф. Каменскаго.
1892.

По поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бэера въ 1744—1746 гг.

Матеріалы къ исторіи горнаго дѣла на Уралѣ и Алтаѣ, преимущественно по документамъ барнаульскаго горнаго архива.

I.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, по дѣламъ, касавшимся частію Уральскихъ, частію Колывановоскресенскихъ Алтайскихъ заводовъ, въ Сибирь пріѣзжала коммисія, подъ начальствомъ бригадира Бэера, о которой здѣсь сообщаются свѣдѣнія, извлеченныя изъ черновыхъ бумагъ этой коммисіи, сохранившихся въ барнаульскомъ горномъ архивѣ, а также изъ Полнаго Собранія Законовъ и изъ источниковъ, указанныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ предлагаемымъ извлеченіямъ.

Предсѣдатель коммисіи, одинъ только и игравшій самостоятельную роль въ ней, по рожденію былъ саксонецъ, прибывшій въ Россію около 1704 года, подъ скромнымъ именемъ Андреаса Бэера и состоявшій сначала при рудномъ приказѣ, подъ начальствомъ бергъ-пробирера Блюера*). Къ сороковымъ годамъ XVIII вѣка онъ успѣлъ уже переименоваться въ Андрея Венедиктовича Бэера, имѣлъ чинъ бригадира и, нося оффиціальное званіе совѣтника оружейной канцеляріи, управлялъ Тульскими заводами,**) по дѣламъ которыхъ непосредственно сносился съ кабинетомъ министровъ, такъ какъ высшее завѣдываніе ими принадлежало въ то время этому учрежденію. Когда, по указу Императрицы Елизаветы Петровны, состоявшемуся 12 декабря 1741 года, кабинетъ министровъ велѣно было „отставить", съ тѣмъ, чтобы имѣть кабинетъ „въ такой силѣ, какъ былъ при Государѣ, Отцѣ Нашемъ", Тульскіе заводы перешли въ вѣдомство военной коллегіи и около того-же времени командиръ ихъ Бэеръ оказался прикосновеннымъ къ какому-то слѣдственному дѣлу.

Кромѣ Тульскихъ заводовъ, въ вѣдѣніи названной коллегіи, состояли оружейные-же заводы Черпорѣцкіе и Сестрорѣцкіе, сначала непосредственно зависѣвшіе не отъ оружейной канцеляріи, а отъ артиллерійской, но потомъ, вслѣдствіе представленій Бэера, зависимость эта измѣнилась. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1744 года, онъ подалъ въ коллегію какіе-то сочиненные имъ „пункты", въ которыхъ доказывалъ, что Черпорѣцкіе и Сестрорѣцкіе заводы можно

---

*) Горный Журналъ, августъ 1884 года.

**) Правильнѣе—заводомъ, но въ старину этимъ именемъ называли каждый заводскій цехъ, а совокупность цеховъ—заводами.

содержать на суммы меньшія, чѣмъ расходуетъ артиллерійская канцелярія, и это представленіе показалось коллегіи убѣдительнымъ, а потому она предположила подчинить послѣдне-помянутые заводы, вмѣстѣ съ Тульскимъ, оружейной канцеляріи, съ тѣмъ чтобы главнымъ въ этой канцеляріи быть ему, бригадиру Бэеру; сенатъ предположеніе это одобрилъ и, такимъ образомъ, подслѣдственность Бэера не помѣшала ему сдѣлать еще одинъ шагъ на пути своего служебнаго возвышенія, хотя командовать надъ всѣми оружейными заводами ему въ дѣйствительности не пришлось*).

Пока въ военной коллегіи шли разсужденія о заводахъ оружейныхъ, въ кабинетѣ назрѣвало дѣло о другихъ заводахъ—Колывановоскресенскихъ, первый строитель и владѣлецъ которыхъ Акинѳій Никитичъ Демидовъ, прислалъ около того времени въ кабинетъ заявленіе, заставившее дать Бэеру другое назначеніе. Въ чемъ буквально состояло это заявленіе Демидова, намъ неизвѣстно, но изъ собственноручно подписаннаго Елизаветой Петровной указа, 17 мая 1744 года,**) даннаго Бэеру, вслѣдъ за полученіемъ означеннаго заявленія, видно, что въ послѣднемъ шла рѣчь о найденномъ серебрѣ въ Колывановоскресенскихъ рудахъ, изъ которыхъ до того выплавляли только черную мѣдь и, не зная, что „оная черность въ мѣди была отъ свинцу“, по нѣскольку разъ переплавляли ее и весь свинецъ тратили въ огнѣ и что потомъ, служившій у него, Демидова, иноземецъ Яганъ Юнгъ-Гансъ „изыскалъ часть серебра, которое въ томъ свинцу есть“. Изъ показаній бывшаго екатеринбургскаго начальника И. Ѳ. Германа,***) пользовавшагося, по видимому, источниками, въ настоящее время уже утратившимися, извѣстно, кромѣ того, что свое заявленіе о серебрѣ Демидовъ дѣлалъ изъ опасенія послѣдствій доноса со стороны служившаго на Колывановоскресенскихъ заводахъ штейгеръ-мейстера Филиппа Трегера, который передъ тѣмъ куда-то таинственно выбылъ съ заводовъ. Наконецъ, оказанное заводчику, вслѣдъ за заявленіемъ его, Высочайшее покровительство, какъ и сопоставленіе другихъ обстоятельствъ того времени, почти не оставляютъ сомнѣнія, что, прося защиты себѣ отъ притѣсненій, Демидовъ открытіе свое подносилъ Императрицѣ въ даръ. Во всякомъ случаѣ потребовалась посылка въ Сибирь знающаго человѣка, который бы могъ удостовѣрить подлинность открытія и сообразить—есть ли тѣхъ серебряныхъ рудъ такой „квантитетъ“, чтобы заводъ завести,—что собственно и послужило поводомъ къ изданію помянутаго выше указа 17 мая. Вслѣдъ за нимъ, 25 того-же мая, состоялся другой Высочайшій указъ, уже на имя военной коллегіи, поставлявшій

*) Свѣдѣнія о службѣ Бэера, о Тульскихъ заводахъ, объ оружейной канцеляріи и о кабинетѣ см. въ Полн. Собр. зак., томъ XI, №№ 8308, 8326, 8480, 8489, и томъ XII, №№ 8979 и 9454.

**) Указъ этотъ, вмѣстѣ съ упоминаемыми далѣе указами 2 іюля 1744 года и 1 мая 1747 года, хранится при Алтайскомъ горномъ управленіи въ подлинникѣ.

***) *Германъ.* Сочиненія о Сибирскихъ рудникахъ и заводахъ, часть 1. Спб. 1797 г.

послѣднюю въ извѣстность, что по имянному Ея Императорскаго Величества указу, велѣно ему, Бэеру, для нѣкоторой коммисіи, ѣхать въ Сибирь, а Тульскіе оружейные заводы, по отъѣздѣ изъ Тулы, поручить изъ находящихся въ командѣ его офицеровъ достойному, по своему разсмотрѣнію. Чернорѣцкіе и Сестрорѣцкіе заводы Бэеръ еще не принялъ въ то время, потому ни чьему временному управленію поручать ихъ надобности не имѣлъ.

Не успѣлъ Андрей Венедиктовичъ, съ прикомандированными къ составу порученной ему коммисіи лицами, выѣхать къ мѣсту назначенныхъ изслѣдованій, какъ въ Петербургъ явился исчезнувшій съ заводовъ Трегеръ со своими заявленіями, которыя касались не Колывановоскресенскихъ заводовъ только, но и Уральскихъ; такъ можно заключить, по крайней мѣрѣ, по дополнительному указу, данному Бэеру по прибытіи Трегера, подписанному Императрицей 2 іюля 1744 года, которымъ ему, въ виду того, что привезенные Трегеромъ образцы колывановоскресенскихъ рудъ оказались не только серебристыми, но и золотосодержащими, поручено: во первыхъ, освидѣтельствовать, вмѣстѣ съ серебряною, и золотую руду; во вторыхъ, осмотрѣть секретно, какъ Екатеринбургскіе, такъ и партикулярныхъ людей заводы, такъ какъ „о состояніи ихъ и съ такимъ ли порядкомъ производятся, какъ Нашъ интересъ требуетъ, Мы неизвѣстны и отъ бергъ-коллегіи того (извѣстія) получить не можемъ"; въ третьихъ, „какъ въ тѣхъ, такъ и въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ развѣдать можете о какихъ минералахъ, чего еще на свѣтъ не произошло, потому-жъ учинить свидѣтельство и пробы и обстоятельныя описи, по вашему искусству и благоразсужденію, и тѣ пробы съ собою привесть и объявить Намъ".

О проступкахъ Демидова, разоблаченія которыхъ Трегеромъ заводчикъ имѣлъ поводы опасаться, въ указѣ 2 іюля ничего не говорится, а защита отъ провинціальныхъ притѣсненій и доносовъ ему была оказана, такъ какъ въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ, 24 числа, было опубликовано повелѣніе, дословно гласившее слѣдующее: „Извѣстно Намъ учинилось, что дѣйствительному статскому совѣтнику Акинѳію Демидову, не только въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ по заводамъ своимъ вѣдомъ, но и въ прочихъ правительствахъ, чинятъ обиды и недѣльными примѣтками волокиту и раззореніе, паче же въ его дѣлахъ помѣшательство и остановку приключаютъ; а понеже онъ, Демидовъ, кромѣ настоящей, трудами своими (принесенной) государственной и народной пользы, особливо и собственно Намъ многія вѣрныя свои службы показалъ, того ради повелѣваемъ Мы Нашему Правительствующему Сенату, какъ въ бергъ-коллегію, такъ и въ прочія мѣста дать Наши указы, съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ: ежели гдѣ до него Акинѳія Демидова будутъ касаться какія дѣла или отъ кого будутъ въ чемъ на него челобитья, о томъ напередъ доносить Намъ, понеже Мы, за его вѣрныя Намъ службы, въ собственной протекціи и защищеніи содержать (его) имѣемъ"*).

*) Полн. Собр. Закон. Томъ XII, № 8998.

Не строго придерживаясь въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ того образа дѣйствій, какой обусловливался существовавшими на Уралѣ и въ Сибири горными и общегражданскими постановленіями, Демидовъ дѣйствительно много терпѣлъ отъ придирокъ мѣстныхъ властей, а потому указъ 24 іюля былъ для него весьма важенъ; не менѣе важно было впрочемъ и для правительства пріобрѣтеніе мѣсторожденія дорогихъ металловъ, тѣмъ болѣе, что золота тогда въ Россіи еще совсѣмъ не знали, а серебро—нерчинское и лапландское—хотя и добывалось, но въ количествахъ незначительныхъ.

II.

Кромѣ Высочайшихъ повелѣній 17 мая и 2 іюля 1744 г., Бэеръ, при отъѣздѣ изъ Петербурга, получилъ особое открытое предписаніе, на основаніи котораго деньги, припасы, инструменты, рабочихъ людей, суда, подводы и всякія свѣдѣнія могъ требовать какъ отъ губернаторовъ, воеводъ, комендантовъ, воинскихъ и гражданскихъ начальниковъ, такъ и отъ заводосодержателей, управителей и всѣхъ прочихъ заводскихъ чиновъ; при описаніяхъ, пробахъ и исполненіи другихъ порученій ему велѣно было, въ свою очередь, задолжать служившаго у Демидова Юнгъ-Ганса, доносителя Трегера, взятаго съ Тульскихъ заводовъ поручика Улиха, прикомандированнаго къ коммисіи съ командою солдатъ офицера гвардіи Алексѣя Булгакова и другихъ, кого признаетъ нужнымъ.

Въ такомъ составѣ и съ такими полномочіями, осенью 1744 года, коммисія прибыла въ Екатеринбургъ и первое время посвятила, по видимому, осмотру заводовъ, хотя въ черновыхъ бумагахъ ея, большая половина которыхъ писана рукою самаго Бэера, содержатся указанія на исполненіе преимущественно той части порученія, которая касалась предметовъ ископаемаго царства.

Способы обнаруженія такихъ сокровищъ, которыхъ, по выраженію указа, „еще на свѣтъ не произошло", Бэеръ употреблялъ разные—отъ горноразвѣдочныхъ до слѣдственно-полицейскихъ,—но больше расчитывалъ, кажется, на указанія заявителей, не только такихъ, которые сами знали о мѣстонахожденіяхъ розыскиваемыхъ рѣдкихъ произведеній, но даже и тѣхъ, которые только слыхали о нихъ или которымъ попадали въ руки находки случайныя. Къ заявителямъ этой послѣдней категоріи можно отнести, между прочимъ, самого перваго изъ числа явившихся къ Бэеру въ Екатеринбургѣ—дьячка церкви св. великомученицы Екатерины, Козьмы Ѳедосѣевича Фроловскаго*), который письменною сказкою показалъ, что когда, года три тому назадъ, онъ ловилъ перепеловъ въ Новопышминской слободѣ, около села Брусянскаго, то нашелъ въ рѣчкѣ Брусянѣ, подъ самымъ селомъ, ка-

---

*) Братъ его, Иванъ Ѳедосѣевичъ, былъ дьякономъ, а отецъ, Ѳеодосій Васильевичъ (протопопъ), настоятелемъ церкви св. великомученицы Екатерины.

мень, величиною въ куриное яйцо,—„весьма красной и видомъ горитъ, яко огонь, а какъ къ солнцу посмотрѣть, то будьто въ немъ вода краснаго цвѣту переливается“; другой подобный же камень, величиною съ голубиное яичко, Фроловскій нашелъ около тѣхъ же мѣстъ, на дорогѣ, и обѣ находки представилъ командовавшему надъ Екатеринбургскими заводами подполковнику Угрюмову, отъ котораго, однако, не получилъ ни камней обратно, ни денегъ, между тѣмъ какъ купцы, проѣзжавшіе въ Ирбитскую ярмарку, давали ему, Фроловскому, за одинъ камень 100 рублей, а за другой 30. Это показаніе Бэеръ отбиралъ 20 числа октября, а на слѣдующій день имѣлъ случай допрашивать уже другаго подобнаго же заявителя—бѣжавшаго съ Верхнетуринскаго завода мастероваго Архипа Кочурова. Жалуясь на обиды и притѣсненія управителя того завода Матвѣя Карамышева, Кочуровъ сообщилъ, что назадъ тому года съ два пріобрѣлъ онъ въ Мурзинской слободѣ, за 5 рублей, три камня: одинъ бѣлый, одинъ красный и два синихъ,— и всѣ эти камни отдалъ Карамышеву. Подобныхъ заявленій Бэеръ получилъ нѣсколько; дѣлались они, очевидно, не съ цѣлію указанія ему заслуживающихъ вниманія мѣстностей, а по побужденіямъ чисто личнымъ, хотя Бэеръ смотрѣлъ на дѣло иначе, о возстановленіи нарушенныхъ правъ заявителей не помышлялъ и старался только навѣдаться о мѣстахъ рѣдкихъ находокъ, въ чемъ иногда и успѣвалъ, какъ видно. Между прочимъ, заявленіе Кочурова, а съ нимъ вмѣстѣ можетъ быть и другія какія нибудь указанія, привели изслѣдователя къ личному осмотру одного изъ замѣчательнѣйшихъ минеральныхъ мѣсторожденій на Уралѣ—такъ называемаго Корниловскаго лога, на которомъ и приходится остановиться.

Собственно Мурзинскія минеральныя мѣсторожденія, къ системѣ которыхъ принадлежитъ Корниловскій логъ, извѣстны были, по случайнымъ находкамъ, еще во время управленія Уральскими заводами В. И. Геннина, какъ не укрылся и самый Корниловскій логъ отъ наблюдательности тогдашнихъ слободскихъ обывателей; но начало казенной разработки послѣдняго, также какъ зависимости его отъ Императорскаго Кабинета, въ которой Мурзинскія мѣсторожденія еще и по нынѣ состоятъ, идетъ отъ времени перваго посѣщенія Урала бригадиромъ Бэеромъ. Онъ, осматривая означенный логъ, къ которому проѣхалъ между 23 и 29 числами октября, по дорогѣ теперь, кажется, уже не вездѣ удобопроѣзжей, именно сначала черезъ деревни Пышминскую и Мостовую, а далѣе по пути, параллельному теченію р. Адуя, выводившему на дер. Черемисскую, Бызову, Кондрашину, Паньшину, Сартакову, Сарапульскую, Южакову и Корнилову,—нашелъ при послѣдней нѣсколько сотъ ямъ и шурфовъ, „которые, по объясненію тамошнихъ жителей, копаны отъ всякаго чина людей“ и которые появились, конечно, прежде офиціальной извѣстности лога Екатеринбургской канцеляріи. По словамъ одной рукописи*), логъ этотъ заявленъ въ 1738 году рудоискате-

*) См. «Географическій и Статистическій Словарь Пермской губерніи», Пермь, 1873 года.

лемъ Θедоромъ Бабинымъ, но по спискамъ канцеляріи числился только какъ мѣсторожденіе горнаго хрусталя, не болѣе. Сдѣлавъ свою небольшую шурфовку и добывъ нѣсколько кусковъ какъ послѣдне-помянутаго минерала, такъ и „граненыхъ и неграненыхъ“ (собственно окристалованныхъ и неокристалованныхъ) „тумпасовъ“, подъ которыми прежде разумѣлись сусляныя и дымчатыя отличія того же горнаго хрусталя, также распросивъ окрестныхъ жителей о прежнихъ находкахъ, Бэеръ предсказалъ, что въ Корниловомъ логѣ „рубины и гранаты найтиться могутъ“, что впослѣдствіи подтвердилось, какъ извѣстно.

По возвращеніи въ Екатеринбургъ, изслѣдователь представилъ въ Кабинетъ проэктъ такой разработки песковъ Корниловскаго лога, идея которой, параллельно съ объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ топографическихъ отношеній, будетъ болѣе понятна. Въ притокъ р. Нейвы рѣчку Амбарку, съ правой стороны впадаетъ, образуя съ нею нѣкоторый, не очень острый, уголъ, рѣчка Шиловка; если мѣсто сліянія этихъ двухъ рѣчекъ принять за починный пунктъ и отмѣрять отъ него вверхъ по берегу Шиловки версты три и вверхъ по Амбаркѣ версты три съ половиною, потомъ концы отмѣрянныхъ разстояній соединить прямою линіею, то получится такой трехъугольникъ, вершина котораго, обращенная почти прямо на N, будетъ изображаться помянутымъ пунктомъ сліянія двухъ рѣчекъ; въ углѣ, обращенномъ на O, на рѣчкѣ Шиловкѣ, окажется дер. Корнилова; въ углѣ, обращенномъ на W, на р. Амбаркѣ, будетъ лежать дер. Малая или Новая Южакова. Сторона трехъугольника, соединяющая Корнилову съ Южаковой, будетъ имѣть немного менѣе 3 верстъ и пройдетъ какъ разъ по логу, о которомъ идетъ рѣчъ, хотя логъ этотъ, отъ своего впаденія въ Шиловку, тянется поднимаясь вверхъ, по направленію къ Южаковой, только саженъ на 500, а далѣе исчезаетъ. Точнѣе говоря, простираніе лога не совершенно оріентальное, а съ уклоненіемъ на N O 70^0, паденіе же—въ сторону Шиловки, но незначительное. На глубинѣ отъ 1 до 3 саж. отъ поверхности, въ логу залегаетъ минералосодержащая россыпь разрушеннаго гранита, пески которой Бэеръ полагалъ возможнымъ перемывать естественнымъ весеннимъ водотеченіемъ, съ помощію особой системы каналовъ, и для того, во первыхъ, провести по срединѣ лога, во всю длину его, т. е. на протяженіи 500 саж., магистральный каналъ, шириною въ 5—6 саженъ, бока котораго выложить камнемъ; во вторыхъ, по ту и другую стороны главнаго канала, устроить водособирательные каналы меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предъидущій, расположивъ ихъ, по 20 съ каждой стороны, перообразно, т. е. такимъ образомъ, чтобы оси этихъ боковыхъ каналовъ съ осью магистральнаго составляли нѣкоторые прямые углы и чтобы, черезъ такое расположеніе, они могли быть удлинены въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ шириною лога; въ третьихъ, въ мѣстахъ соединенія боковыхъ каналовъ съ главнымъ, т. е. въ устьяхъ первыхъ, точно также и въ устьѣ главнаго канала, при впаденіи его въ Шиловку, сдѣлать уловительныя рѣшотки. Заготовляя и набрасывая

въ боковые каналы минералосодержащіе пески съ осени, Бэеръ полагалъ, что вешняя вода, стекая черезъ боковые каналы въ главный и потомъ въ Шиловку, будетъ уносить илъ и песокъ, а камни оставлять у рѣшотокъ. Въ благонадежности Корниловскаго лога и въ исполнимости своего проэкта, Бэеръ былъ такъ убѣжденъ, что тотчасъ-же по возвращеніи въ Екатеринбургъ, представилъ въ кабинетъ чертежъ придуманнаго имъ устройства, въ объяснительномъ рапортѣ къ которому, подписанномъ 30 октября, доказывалъ, что по наступленіи лѣта 1745 года необходимо сдѣлать пробу рекомендуемой имъ промывки и для того „прокопать отъ рѣчки въ полѣ каналъ, гдѣ и всегда по веснамъ и въ дождливыя времена теченіе имѣется, и потомъ по сторонамъ прокопать малые канальцы и сдѣлать въ каналѣ заколъ, чтобъ землю проносило, а камни бы въ заколѣ могли оставаться, почему надежда есть по вся весны тѣхъ камней собирать немалое число, а можетъ быть и рубины и гранаты найтиться могутъ, ибо тамошніе мужики сказывали, что прежде сего находилися тамо камни краснаго, синяго и зеленаго цвѣтовъ".

Послѣдствій своего представленія Бэеръ въ Екатеринбургѣ не дождался, конечно, но позже, кабинетскимъ указомъ 10 марта 1748 г.*), проэктъ его Екатеринбургской канцеляріей велѣно было осуществить и для добычи камней при дер. Корниловой послать офицера, „чтобы собиралъ камни, начиная съ весны, все лѣто и (всю) осень, до самыхъ заморозковъ". Этимъ же указомъ велѣно было „запретить накрѣпко, чтобы изъ партикулярныхъ людей, кромѣ вышеписаннаго приставленнаго офицера, тѣхъ каменьевъ ни кто на себя и для другихъ не добывалъ", чѣмъ и объусловилось начало зависимости Мурзинскихъ копей отъ Кабинета, въ періодъ которой, собственно изъ Корниловскаго лога, въ разное время извлекаемы были слѣдующіе минералы: сѣрый, синій и розовый корундъ, гальки настоящаго сафира и рубина, безцвѣтный, дымчатый и золотистый (цитринъ) горный хрусталь, черный и бурый шерлъ, аквамаринъ, топазъ, гранатъ, одинъ разъ найденъ былъ кристалъ безцвѣтнаго циркона и разъ будто-бы даже опалъ**)

Изъ дер. Корниловой Бэеръ возвратился въ Екатеринбургъ черезъ д.д. Башкарку, Бродовую, Тавалгу и черезъ заводъ Быньговскій и Ѳедьковскій (Невьянскій), но спѣша въ дальнѣйшій путь, за Уралъ, на заводахъ этихъ по долгу не останавливался. Въ Екатеринбургѣ онъ присоединилъ къ своимъ уральскимъ открытіямъ еще одно—мѣдную руду, найденную, 18 сентября, рудопріищикомъ Петромъ Бабинымъ,— „ѣдучи изъ Горнаго-Щита на заводъ Императрицы Анны (Сысертскій) по дорогѣ, напримѣръ отъ онаго Щита въ 5½ верстахъ, по лѣвую той дороги руку, вверхъ по ключу, въ самой вершинѣ онаго ключа", но осматривать это мѣсторожденіе не поѣхалъ.

*) Полн. Собр. Закон. т. XII, № 9489.

**) Кой-какія новыя свѣдѣнія о Корниловскомъ логѣ можно найти въ Зап. Имп. Спб. Минерал. Общ. за 1878 и 1888 г.г., а также въ Горн. Журн. за 1885 годъ (май).

Впрочемъ, желая воспользоваться землеискательными способностями Петра Бабина и подготовить почву для своихъ дальнѣйшихъ открытій на Уралѣ, онъ пригласилъ рудопріищика, передъ отъѣздомъ, продолжать поиски и въ свое отсутствіе, на каковой случай выдалъ ему слѣдующій прочетный указъ: „Пріискивать тебѣ, Бабину, золотыя, серебряныя и мѣдныя руды, драгоцѣнные камни и прочія подземныя сокровища въ Сибирской губерніи до океана и Соловецкаго Бѣлаго моря, на государственныхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и протчихъ, какого бъ кто званія ни былъ, земляхъ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже пріискано и заводы заведены), своимъ коштомъ, и гдѣ тобою къ пріиску объявленныхъ подземельныхъ сокровищъ удобныя мѣста обыщутся, то къ добыванію оныхъ, по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества указа, тебѣ, тѣхъ мѣстъ отъ обывателей, препятствій не чинить, а чинить въ томъ всякое вспоможеніе“. Другой совершенно такой-же прочетный указъ выданъ былъ, 2 ноября, номинально рудоискателю-же, но въ дѣйствительности едва ли не кладоискателю, сибирскому крестьянину Михайлу Иванову, жителю Абацкой слободы (на р. Ишимѣ), дер. Ировской, т. е. мѣстности, въ которой, по отзывамъ путешественниковъ, много было могильныхъ кургановъ и въ нихъ древнихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, но въ минералогическомъ отношеніи совершенно безнадежной. Наконецъ, впередъ, до пріѣзда коммиссіи, получилъ, едва ли не черезъ Невьянскую контору, прочетный же, подписанный Бэеромъ, указъ рудопріищикъ Колывановоскресенскихъ заводовъ Петръ Ивановъ Шелегинъ; этимъ послѣднимъ указомъ, выданнымъ 10 числа ноября, Шелегину велѣно не только самому пріискивать подземныя сокровища, но и другихъ „радѣтельныхъ охотниковъ „приглашать къ тому, обѣщая свободу отъ работъ и повинностей на время поисковъ, не только имъ самимъ, но и родственникамъ, „въ однѣхъ домахъ и семьяхъ съ ними живущимъ“.

Около половины ноября 1744 года, взявъ между прочимъ съ собою для пробы камней другаго Бабина—Ивана, по ремеслу гранильщика, который почему-то назывался также и Иваномъ Опарышевымъ, Бэеръ оставилъ Уралъ.

III.

Судя по черновымъ бумагамъ, отъ выѣзда коммиссіи изъ Екатеринбурга до прибытія на Колывановоскресенскіе заводы прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, что указываетъ либо на встрѣченную ею непроизвольную задержку въ пути, либо на такія попутныя изслѣдованія между Ураломъ и Алтаемъ, упоминаній о которыхъ въ перепискѣ не содержится.

Въ ближайшій къ Сибирскому тракту Колывановоскресенскій заводъ—Барнаульскій Бэеръ прибылъ 20 января 1745 года и наскоро осмотрѣвъ его, отправился далѣе, на Колыванскій заводъ и рудники его окружающіе. Въ какомъ положеніи посланецъ Императрицы засталъ заводы Демидова, видно, между прочимъ, изъ сохранившихся чертежей того времени, изъ

инструкціи, данной впослѣдствіи Бэеромъ одному изъ служившихъ у Демидова техниковъ (С. Христіани) и изъ черновыхъ замѣтокъ въ бумагахъ коммиссіи.

Барнаульскій заводъ въ 1745 году былъ еще новый и даже не совсѣмъ оконченъ. Заложенъ онъ былъ лѣтъ за пять до пріѣзда Бэера, что можно заключить изъ поданнаго въ 1741 году Демидовымъ донесенія въ Екатеринбургскую горную канцелярію, въ которомъ заводчикъ писалъ, что на обысканной имъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ рѣчкѣ Барнаулкѣ, съ 1740 года мѣдиплавиленныя печи строить началъ, но что безъ крѣпости тому новому заводу быть опасно, и потому просилъ отпустить ему для таковой крѣпости чугунныя пушки за указанную цѣну. Канцелярія справилась, что раньше постройка заводскихъ крѣпостей разрѣшалась указами военной коллегіи, основанными на разрѣшеніяхъ сената, и что, между прочимъ, ему-же Демидову, Ревдинскій его заводъ, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, на Уралѣ, велѣно было „укрѣпить палисадною крѣпостью съ малымъ внутреннимъ банкетомъ и снаружи съ небольшимъ рвомъ четвероугольно, съ половинобастіонами и на фасовыхъ и фланговыхъ линіяхъ имѣть по одной, а всего восемь пушекъ, отъ одного до трехъ фунтовъ, а ружья человѣкъ на сто, и на то потребное число ядеръ, пуль и пороху; а земляной регулярной крѣпости тамо дѣлать не для чего“. Справку эту канцелярія препроводила 4 іюля 1741 года въ генералъ-бергъ-директоріумъ, а Демидову вмѣстѣ съ тѣмъ написала, чтобы онъ, во избѣжаніе захвата людей непріятелемъ, сдѣлалъ пока при Барнаульскомъ заводѣ временное укрѣпленіе, „какое за способное усмотрится,—токмо крѣпости такой, какія оныя обычайно въ другихъ мѣстахъ бываютъ, безъ особливаго точнаго указа, не строить“. Хотя 16 сентября того-же 1741 года, на докладѣ генералъ-бергъ-директоріума, положена была Высочайшая резолюція, разрѣшавшая Демидову строить при Барнаульскомъ заводѣ крѣпость на такомъ-же точно основаніи, какъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ, при Ревдинскомъ заводѣ*) но, начавъ возводить „временное укрѣпленіе“ еще прежде этого разрѣшенія и даже едва-ли не прежде перваго постановленія о немъ канцеляріи, Демидовъ настоящей крѣпости при Барнаульскомъ заводѣ строить, по видимому, вовсе не сталъ: по крайней мѣрѣ, судя по небольшому плану, оставшемуся въ бумагахъ Бэера, ни рва, ни полубастіона, ни внутренняго банкета въ пріѣздъ его не было, а вмѣсто того, ниже плотины, по лѣвую сторону р. Барнаулки, стоялъ какой-то „дворъ Демидова“, четырехъ-угольное пространство котораго, мѣрою въ 34 саж. въ одну и въ 17 въ другую сторону, огораживалось съ двухъ сторонъ деревяннымъ заборомъ въ столбахъ и съ двухъ противолежащихъ—хозяйственными постройками: конторою, домомъ прикащика, конюшнею и другими. Фабричныя зданія, возведенныя также ниже плотины, но по другую сторону рѣчки, состояли изъ мѣдиплавиленной фабрики, гармахерской съ

*) Полное Собраніе Закон. т. XI, № 8444.

четырьмя горнами, котельной, мусорной, обжигальной, мѣховой, кузницы и пильной для роспиловки лѣса. Производилась-ли на этомъ заводѣ до пріѣзда Бэера расплавка какихъ нибудь рудъ—изъ дѣла не видно; но за то видно намѣреніе первыхъ строителей устроить между нимъ и южными рудниками и заводами водное сообщеніе по рѣчкамъ Чарышу и Оби, для котораго на первой рѣкѣ имѣлись пристани: казенная Красноярская, лежавшая напротивъ селенія того-же имени, ниже того мѣста, гдѣ позже завелось селеніе Бѣлоглазово, и Локтевская, при самомъ устьѣ р. Локтевки, у котораго, пониже Калманскихъ-Мысовъ, располагалась дер. Локтевка. Черезъ Красноярскую пристань снабжались, между прочимъ, линейныя иртышскія крѣпости провіантомъ, а Локтевская служила, кажется, только для нагрузки горноваго камня, сплавлявшагося на Барнаульскій заводъ; что же касается сплава рудъ, то для него назначалась пристань въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь село Бѣлоглазово (нѣкогда городъ Чарышскъ), котораго, однако, тогда еще не существовало.

Колыванскій заводъ былъ обставленъ, какъ со стороны безопастности отъ калмыцкихъ набѣговъ, такъ и въ техническомъ отношеніи, лучше Барнаульскаго. Здѣсь, поперегъ рѣчной ложбины, въ которой протекаетъ направляясь съ В.Ю.В. на З.С.З., рѣчка Локтевка, устроена была массивная каменная плотина, образуя длинный, но не широкій прудъ, поперечный разливъ котораго вблизи плотины достигалъ саженъ 60-ти. Селеніе было окружено крѣпостью и располагалось на лѣвой сторонѣ Локтевки, правый берегъ который вмѣстѣ съ прудомъ окаймленъ горами, составлявшими естественную защиту отъ внѣшнихъ нападеній. Искусственныя огражденія состояли изъ стѣнъ внутренней и наружной крѣпостей, съ надолбами и рвами, и изъ рогатокъ. Внутренняя крѣпость (цитадель) имѣла видъ четырехъугольника въ 35 саженъ въ одну и въ 40 саж. въ другую сторону и переднимъ фасадомъ обращена была къ рѣчкѣ, отъ которой отстояла въ 50 саж.; по угламъ ея устроены были бастіоны, а на двухъ противоположныхъ стѣнахъ, по срединѣ каждой, проѣздныя ворота съ башнями, изъ которыхъ обращенная къ плотинѣ называлась Главною, другая-же Воскресенскою; цитадель эта снаружи обведена была рвомъ, а этотъ послѣдній—рогатками, между которыми, противъ проѣздныхъ воротъ, имѣлись шлагбаумы. Другая, наружная или большая, крѣпость состояла изъ 3-хъ стѣнъ: восточной, въ 120 саж. длиною, которая шла перпендикулярно къ берегу пруда и имѣла одинъ полубастіонъ и одну проѣздную башню съ воротами (Калмацкую); южной, въ 250 саж. длиною, параллельной рѣчкѣ, съ двумя полубастіонами и съ одной, по срединѣ, башнею (Маіорской); западной, упиравшейся въ берегъ рѣчки, съ исходящими углами, длина которой по ломанной линіи достигала 232 саж. и которая снабжена была тремя полубастіонами и тремя башнями (Капитанскою, Новою и Мостовою). Вокругъ этой крѣпости шелъ, какъ и вокругъ цитадели, ровъ, со внѣшней стороны котораго стояли кромѣ того надолбы, а на зарѣчной сторонѣ, по уклону

горы, поставлены были, взамѣнъ недостающей четвертой стѣны, рогатки. Наконецъ, внѣ крѣпости, на сосѣднихъ горахъ, поставлены были для наблюденія за окрестностями каменныя сторожевыя бутки, которыя назначено было замѣнить потомъ каменными же батареями. Внутренность цитадели занимали военнослужительскія казармы, дома для прикащиковъ, заводскія магазины и контора; въ пространствѣ между стѣнами цитадели и стѣнами наружной крѣпости располагались обывательскіе дома, церковь во имя Воскресенія Христова, лабораторія и, около плотины, фабричныя зданія завода. Эти послѣднія въ пріѣздъ Бэера состояли изъ плавиленной фабрики съ 11-ю печами, гармахерской со штыковымъ горномъ, мусорной, обжигальной для роштейна, котельной, кузницы, слесарной съ мѣховой мастерской, пильной мельницы и, наконецъ, изъ нѣсколькихъ помѣщеній для заводскихъ припасовъ.

Южнѣе Барнаульскаго и Колыванскаго заводовъ, недалеко отъ устья р. Шульбы, впадающей въ Иртышъ, Демидовъ имѣлъ еще одинъ заводъ— Шульбинскій, заложенный не на государственной пустопорожней землѣ, какъ первые два, а „на земляхъ вѣдомства Иртышскихъ крѣпостей", слѣдовательно, съ разрѣшенія военныхъ, а не горныхъ властей. На заводѣ этомъ Бэеръ нашелъ домъ для прикащика съ конторою при немъ, военнослужительскія казармы, конюшню, амбары, кузницу и „мѣховую, слесарну и прочихъ разныхъ художествъ фабрику"; плотины еще не было; крѣпость-же деревянная съ башнями и рогатки для обережи отъ неприятеля были поставлены.

Трактованной границы между владѣніями Голданъ-Церена и нашими въ то время еще не было, а военная граница шла частію черезъ крѣпости и форпосты, устроенныя со стороны вѣдомства иртышскихъ крѣпостей, частію черезъ укрѣпленія, возведенныя Демидовымъ. На ней располагались: Барнаульскій заводъ и лежавшая напротивъ его, по другую сторону Оби, Бѣлоярская крѣпость, Кабанова защита, Комарихинскій станецъ, Карпова защита, Таловскій станецъ, Колыванская крѣпость, Ганюшкино зимовье, дер. Ганина, Змѣевскій форпостъ, Алейскій форпостъ, Шульбинская крѣпость. Этой грани зюнгарскіе владѣльцы не признавали, тревожили насъ своими набѣгами и утверждали даже и въ болѣе позднія времена, что сѣверная грань ихъ владѣній проходитъ черезъ р.р. Омь и Черную-Томь или Уень, впадающей съ лѣвой стороны въ Обь. Въ 1739 году они требовали, между прочимъ, чтобы убрали возведенную передъ тѣмъ лѣтъ за 19-ть, Устькаменогорскую крѣпость и правительство наше склонялось на эту уступку, но исполненіе требованія замедлилось и послѣдствіе получилось то, что Галданъ-Церенъ, соскучившись ждать, подослалъ къ одной изъ крѣпостей Демидова подвластныхъ ему канкаракольцевъ*) и сжегъ ее. Это случилось въ 1744 году, слѣдовательно почти наканунѣ пріѣзда Бэера**).

*) Т. е. калмыковъ, стойбища которыхъ располагались по урочищамъ горной рѣчки Кана и оз. Каракола.

**) Историч. Обозрѣніе Сибири *Словцова*, указъ сената, № 8332, въ Полн. Собр. Зак. и планъ Чигирской крѣпости въ чертежной Алтайскаго управленія.

Сожженая канкоракольцами крѣпость, называвшаяся Чигирской, построена была за Колыванскою линіею, т. е. вдавалась въ горы и служила для защиты работъ, производившихся на соименномъ ей Чагирскомъ рудникѣ, который между рудниками Демидова считался наиболѣе производительнымъ; руда изъ него добывалась мѣдная и мѣдь сопровождалась въ ней свинцомъ, который собственно и придавалъ ей ту „черность“, о которой Демидовъ заявлялъ Кабинету. Исключительно свинцовымъ мѣсторожденіемъ коммиссіею признано было Корбалахинское, которое извѣстно было Демидову съ 1736 года. Наконецъ, къ чисто серебрянымъ Бэеръ отнесъ мѣсторожденіе, найденное людьми Демидова въ 1742 году въ Змѣиной горѣ, которое вмѣстѣ съ Корбалихинскимъ прославилось потомъ подъ общимъ именемъ Змѣиногорскаго.

На склонѣ Змѣиной горы, въ бытность на Колывановоскресенскихъ заводахъ Бэера, выработанъ былъ довольно значительный разносъ, который и по сіе время называется Коммисскимъ: добытыя изъ него руды проплавлялись на Колыванскомъ заводѣ и отъ 1000 пуд. давали 2 пуда серебра, въ каждомъ фунтѣ котораго содержалось, „по малымъ пробамъ“, по 1 зол. золота. Руды Корбалихинскія давали, въ свою очередь, отъ пуда $4^3/_4$ фунта свинца и нѣсколько болѣе $2^3/_4$ зол. серебра. Всего, при опытной плавкѣ, коммиссіей выплавлено 44 п. 6 ф. 21 з. лигатурнаго серебра, въ которомъ золота, при раздѣленіи, найдено 12 ф. 32 зол. 33 доли. Изъ какого именно количества руды выплавлено означенное серебро и при какой потерѣ въ угаръ—не сказано, но во всякомъ случаѣ произведенные опыты и развѣдки убѣдили Бэера, что при Колывановоскресенскихъ заводахъ имѣется достаточный „квантитетъ“ серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ главныхъ мѣсторожденій Колыванской конторѣ извѣстно было много другихъ, второстепенныхъ.

Самому Бэеру, въ бытность его на заводахъ, и сотруднику его Христіани заявлены были, между прочимъ, слѣдующіе новые серебросвинцовые пріиски: Яркинскій, по р. Корбалихѣ, верстахъ въ 37 отъ Колыванскаго завода, найденный подштейгеромъ Демидова Ѳедоромъ Яркинцомъ: Плотниковскій, открытый бергауеромъ Плотниковымъ, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ заложенъ былъ послѣ рудникъ Черепановскій; Локтевскій, верстахъ въ 15 отъ завода, по рѣчкѣ Локтевкѣ, найденный кузнецомъ Вас. Кытмановымъ и Тихобаевскій, открытый верстахъ въ 6-ти отъ Колыванскаго завода, между р.р. Бѣлой и Локтевкой, цѣловальникомъ Тихобаевымъ. Проживавшій по какому-то случаю въ Колыванскомъ заводѣ дворянинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь, какой-то, по видимому, инородческой княжеской фамиліи, Иванъ Пелымскій указалъ Бэеру, кромѣ того, шесть *чудскихъ* копей съ рудными признаками, найденныхъ между рѣчками Харьковками, впадающими въ Корбалиху; чудскія же копи, съ признаками мѣдныхъ рудъ, заявлены были, наконецъ, Бэеру особо приглашенною имъ партіею рудоискателей по рѣчкамъ Золотухѣ, Вавилонкѣ, Таловкѣ и Убѣ, всего числомъ пять. Вообще,

край былъ непочатой и мѣсторожденія металловъ, по слѣдамъ чудскихъ работъ открывались легко.

Извѣстность яшмъ, порфировъ, агатовъ, кварцевъ и мраморовъ, для обработки которыхъ впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, учреждена была еще и до нынѣ существующая Колыванская шлифовальная фабрика, ведетъ начало также съ пріѣзда на Колывановоскресенскіе заводы бригадира Бэера и сотрудника его на этомъ поприщѣ гранильщика Опарышева, котораго, впрочемъ, алтайскія цвѣтныя породы, кажется, не вполнѣ удовлетворили, такъ какъ онъ аттестовалъ ихъ Бэеру „не самодѣйствительными“ хотя въ заочныхъ описаніяхъ заявителей они не казались таковыми. Такъ крестьянинъ Мальцевъ, житель дер. Калманки, показывалъ, что отъ деревни Кабановой верстахъ въ 15-ти, въ вершинахъ Камаринскихъ есть, надъ самой рѣчкой, Камень, видомъ черный, а отъ деревни Калманки верстахъ въ двухъ, на правой сторонѣ рѣчки Калманки, камень съ темна—свѣтлый, да выше по той же Калманкѣ, теченія ея на лѣвой сторонѣ, есть гора, отъ которой съ издали видно блистаніе, а камень въ ней видомъ съ краснабагровой, гладкой и грановитой; да по Аную рѣкѣ, подъ Канкараколомъ, по сію сторону Камня,—камень гнѣздышками, признакомъ свѣтелъ, который знатно, что разработыванъ чудскими народы. Другой заявитель, самъ въ Камню небывавшій, хвалился: „довольно я слыхалъ города Томскаго отъ жителя Ивана Степнаго, что знаетъ онъ, Степновъ, въ Камню, въ Караколѣ, такія вещи, чѣмъ стекла рѣжутъ, да и тотъ камень таковъ, что какъ противъ его человѣкъ станетъ на конѣ, то оной, въ томъ камню, видится весь“. Бэеръ пожелалъ, конечно, познакомиться съ такимъ необыкновеннымъ минералогомъ, который прозрачность камня опредѣлялъ видимостью въ немъ человѣка на конѣ, но на посланное требованіе о высылкѣ Степнаго въ коммиссію получилъ только отъ томскаго воеводы князя Бориса Шаховскаго увѣдомленіе, что этотъ Степновъ, „по секретному, важнѣйшему Ея Императорскаго Величества дѣлу“, содержится въ острогѣ и потому въ коммиссію не можетъ быть присланъ.

Канкораколъ въ описываемое время занятъ былъ калмыцкими стойбищами, подвластными Галданъ-Церену, который относился къ намъ, какъ сказано, непріязненно, подступалъ передъ тѣмъ, по донесенію сибирскаго приказа сенату, къ нашимъ городамъ съ войскомъ*) и сжегъ, какъ видѣли Чагирскую крѣпость Демидова; послѣ такого подвига онъ, заслышавъ, можетъ быть, о присылкѣ изъ Европейской Россіи, подъ начальствомъ генерала Киндермана, пяти полковъ, расположившихся въ 1745 г. по линіямъ, удалился отъ послѣднихъ и вскорѣ, по дошедшей въ началѣ 1746 г. до Тобольска вѣсти, умеръ; случилось это, однако, уже послѣ отъѣзда Беэра, который распространять поиски на Канкараколъ, по видимому, не считалъ возможнымъ. Мѣста за Канкараколомъ,—около Телецкаго озера и

*) Указъ 17 сентября 1760 г. въ Полн. Собр. Зак.

р. Бухтармы,—казались тогда болѣе безопасными, потому для личнаго осмотра ихъ Бэеръ хотя и не ѣздилъ, но отъ посылки туда „радѣтельныхъ охотниковъ“ не удержался.

Раньше упоминалось, что передъ отъѣздомъ изъ Екатеринбурга Бэеръ выслалъ. черезъ Невьянскую контору, или какимъ то другимъ способомъ, прочетный указъ рудопріищику Колывановоскресенскихъ заводовъ Петру Иванову Шелегину, которымъ поручилъ пріискивать подземныя сокровища не только самому, но и другихъ приглашать къ тому, кто пожелаетъ. Этотъ Шелегинъ оказался дѣятельнымъ исполнителемъ порученія, такъ какъ въ началѣ весны 1745 года, объявилъ Бэеру 96 человѣкъ „радѣтельныхъ охотниковъ“, которыхъ набралъ, обязавъ подписками, въ острогахъ Сосновскомъ, Чеусскомъ, Умревинскомъ, Берскомъ, въ слободѣ Малышевской, въ крѣпостяхъ Бакатунской и Бѣлоярской, на заводахъ Колыванскомъ и Барнаульскомъ и, наконецъ, въ городахъ Кузнецкѣ и Томскѣ. Съ партіей этой Бэеръ велѣлъ отправиться Шелегину, котораго поставилъ во главѣ ея, на Телецкое озеро и черезъ него попасть на р. Бачкаусъ, о которой имѣлъ, по видимому, какія то свѣдѣнія, хотя въ дѣлѣ ихъ не сохранилось. Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля партія эта была уже на пути къ Телецкому озеру, но походъ ея вскорѣ пріостановился, такъ какъ вышло недоразумѣніе съ переводчикомъ, въ качествѣ котораго Шелегинъ еще раньше пригласилъ телецкаго подгороднаго татарина Тотуша Боянова, который, между тѣмъ, не явился; привелось требовать его черезъ Кузнецкую воеводскую канцелярію, но когда та, по просьбѣ Шелегина, вызвала Боянова, то онъ отозвался, что калмыцкаго языка вовсе не знаетъ, толмачить не умѣетъ и въ толмачахъ быть не желаетъ, а желаетъ онъ, ясачный человѣкъ, съ другимъ ясачнымъ же человѣкомъ, татариномъ Кускуемъ Чемоновымъ, самъ быть въ рудопріищикахъ, ибо знаютъ они, Тотушъ да Кускуй, руду въ одной горѣ по Чулышману рѣкѣ. Воевода не сталъ принуждать Тотуша идти съ Шелегинымъ, а вмѣсто того отправилъ его для допросовъ вмѣстѣ съ Чемоновымъ къ Бэеру, въ Колыванскій заводъ, откуда онъ, можетъ быть, и былъ высланъ потомъ къ Шелегину, но изъ бумагъ этого не видно. Во всякомъ случаѣ, неудача съ переводчикомъ похода рудоискателей не остановила и въ началѣ іюня они были уже на южномъ берегу Телецкаго озера, откуда 20 числа того-же іюня, Шелегинъ прислалъ Бэеру, съ однимъ изъ возвратившихся рудоискателей, слѣдующее донесеніе: сего 745 года іюня 3 дня проѣхали мы Телецкое озеро и дошли до рѣки Усть-Чулышману озеромъ Телецкимъ въ батахъ; токмо шесть батовъ нашихъ на озерѣ водой разбило и запасы; всѣ перемочили, такожъ и шкарбъ весь перетопили, а которые шли и горой, на лошадяхъ,—отъ порогу Телецкаго озера, откуда течетъ рѣка Бія, до Усть-Чулышману, отъ великихъ снѣговъ, волей Божіей, умерло у нихъ пятнадцать лошадей; въ томъ проѣздѣ имѣли великую нужду, а сами всѣ въ добромъ здравіи, исправляемъ по силѣ указу, что надлежитъ и стараемся всякими мѣрами идти на рѣку Башкаусъ для исправленія по силѣ указу.

А отъ живущихъ татаръ никакого помѣшательства и запрещенія не имѣемъ, а впредь отъ нихъ опасеніе и остереганіе крѣпкое имѣемъ". Возможно, что Шелегину дѣйствительно удалось потомъ довести партію до намѣченной цѣли—рѣки Башкауса, но открытій тамъ, по видимому, ни какихъ сдѣлано не было; съ рѣки Чулышмана, изъ той горы, о которой заявилъ Тотушъ Баяновъ Бэеру, былъ, правда, доставленъ одинъ рудный кусокъ, но по пробѣ гиттенъ-фервальтера Іоганна-Готлиба-Улиха онъ оказался только желѣзнымъ глянцемъ (блескомъ) съ 15% желѣза.

Другую залинейную экспедицію Бэеръ посылалъ на р. Бухтарму, по лѣвую сторону которой, верстахъ въ трехъ отъ берега, бывавшій тамъ раньше должностной толмачъ Колывановоскресенскихъ заводовъ Матвѣй Текутьевъ объявилъ гору немалую и при ней нѣсколько чудскихъ копей, „а что изъ тѣхъ копей добывано, о томъ онъ, Текутьевъ, несвѣдомъ". Бэеръ прикомандировалъ къ этому заявителю унтеръ-штейгера Чупоршнева; кромѣ того вытребовалъ отъ коменданта Устькаменогорской крѣпости вооруженныхъ служилыхъ людей и драгунъ 20 человѣкъ, и эта вооруженная партія дѣйствительно доставила ему, въ концѣ апрѣля, образцы мѣдной, довольно богатой, руды, взятой съ тѣхъ самыхъ копей, о которыхъ заявлялъ Текутьевъ. Копи эти впослѣдствіи послужили основаніемъ для закладки такъ называемаго Бухтарминскаго мѣднаго рудника, нынѣ уже не разрабатываемаго.

Наконецъ, остается упомянуть еще объ одной снаряженной Бэеромъ экспедиціи, касавшейся, впрочемъ, уже Восточной Сибири. Туда Бэромъ командированъ былъ поручикъ Сибирскаго гарнизоннаго Енисейскаго полка Борисъ Сухаревъ съ командою, съ тѣмъ чтобы, во первыхъ, освидѣтельствовалъ Нерчинскіе заводы, во вторыхъ, повѣрилъ слухъ, переданный Бэеру, состоявшимъ при немъ унтеръ шихтмейстеромъ Вележевымъ, о мѣсторожденіи серебряной руды въ Иркутскомъ уѣздѣ, не по далеку отъ Удинскаго острога, по рѣчкѣ Наунѣ и, въ третьихъ, осмотрѣлъ горы близь китайской границы,—верстахъ въ 200 отъ Нерчинска—„не содержатъ ли матеріалъ яшмоваго камня", какъ подозрѣвалъ самъ Сухаревъ, раньше бывавшій въ тѣхъ мѣстахъ. Эта экспедиція была отправлена въ самомъ началѣ пріѣзда Бэера на Колывановоскресенскіе заводы, а возвратилась, по видимому, уже послѣ обратнаго отъѣзда его въ Екатеринбургъ и, кажется, ничего къ сибирскимъ открытіямъ его не прибавила, такъ какъ вмѣсто серебряной руды по Наунѣ „явилась глина—золотуха", а о „матеріалѣ яшмоваго камня", близь китайской границы, въ бумагахъ совсѣмъ умолчано.

IV.

Пока коммиссія производила на Колывановоскресенскихъ заводахъ порученные ей осмотры и пробы, владѣлецъ этихъ заводовъ Акинѳій Никитичъ Демидовъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1745 г., умеръ. Послѣ него остались

сыновья Григорій, Прокопій и Никита*) Акинѳіевичи, изъ которыхъ старшій, Григорій, и средній, Прокопій, вскорѣ послѣ смерти отца, прибыли въ Невьянскій заводъ, доставшійся потомъ, по раздѣлу, на часть втораго изъ нихъ—Прокопья Акинѳіевича.

Бэеръ съ Колывановоскресенскихъ заводовъ вернулся на Уралъ въ послѣднихъ числахъ сентября или въ началѣ октября того же 1745 года и, остановившись ненадолго въ Екатеринбургѣ, отправился, для свиданія съ прибывшими Демидовыми, въ Невьянскій же заводъ, гдѣ, между прочимъ, получилъ отъ нихъ слѣдующее, обоими братьями подписанное, прошеніе, помѣченное пятымъ числомъ октября: „понеже не безъизвѣстно оной коммиссіи, какое всеприлежное стараніе и неусыпное попеченіе покойный дѣдъ нашъ комисаръ Никита Демидовичъ и отецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Акинѳей Никитичъ Демидовы, имѣли къ сысканію металловъ и минераловъ и къ размноженію заводовъ, которое ихъ тщаніе и непрестанные труды къ пользѣ государства усмотря, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій всемилостивѣйше ю дворянство пожаловать соизволилъ и, по кончинѣ Его Величества, въ прошломъ 1726 году, Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна на оное дворянство дипломомъ наградить соизволила, въ которомъ подтверждено, дабы мы, нижайшіе, и потомство наше къ сысканію металловъ и минераловъ и къ произведенію заводовъ, для государственной пользы, были обучены, и потому Ихъ Императорскихъ Величествъ соизволенію мы, нижайшіе, къ размноженію заводовъ и къ сысканію рудъ, для государственной пользы и прибыточества Высочайшаго интереса, всеприлежное тщаніе имѣемъ“; а какъ нынѣ—объясняется далѣе—по пріѣздѣ въ Невьянскій заводъ, прикащикъ ихъ, Демидовыхъ, Осипъ Перезоловъ объявилъ руду, обысканную въ пустыхъ и дикихъ мѣстахъ Пелымскаго уѣзда, отъ которой онъ, Перезоловъ, два золотника пробовалъ и нашелъ въ ней серебро, то они о такой находкѣ и почли долгомъ поставить коммиссію въ извѣстность. Не теряя времени, въ тотъ же самый день, въ который подано было это прошеніе, Бэеръ распорядился освидѣтельствовать найденное мѣсторожденіе, для чего отъ имени коммиссіи велѣлъ ѣхать въ Пелымскій уѣздъ гренадеру Енисейскаго полка Кондратью Стрѣлкову съ солдатами Кандабаевымъ и Сажинымъ, а со стороны Демидовыхъ—прикащику Перезолову съ приписнымъ крестьяниномъ Кирсаномъ (Хрисанѳомъ?) Пичугинымъ, съ тѣмъ чтобы направлялись черезъ погосты Прокопьевскій и Кошайской на г. Пелымъ, а оттуда ѣхати вверхъ по Пелымѣ рѣкѣ, черезъ вогульскія жилища, къ самой *серебряной горѣ Пелымской;* поверстныя деньги и плакатную плату рабочимъ посланные должны были выдавать на счетъ Демидовыхъ. Такъ какъ прежняго Пелымскаго уѣзда нынѣ уже не существуетъ, то, можетъ быть, не мѣшаетъ припомнить, что онъ, по тогдашнему административному дѣленію,

---

*) Родился въ 1724 году, на берегу рѣки Чусовой.

прилегалъ, между уѣздами Березовскимъ и Верхотурскимъ, къ самому хребту Уральскихъ горъ; южная и югозападная граница его совпадала съ сѣверными и сѣверовосточными границами уѣздовъ Верхотурскаго и Туринскаго, а сѣверная грань была общая съ южной гранью обширнаго Березовскаго уѣзда. Во всякомъ случаѣ разстояніе посланнымъ приходилось проѣхать не малое, между тѣмъ не успѣли они еще добраться до г. Пелыма, какъ виновникъ предписаннаго путешествія, въ разговорѣ съ гренадеромъ Стрѣлковымъ, долженъ былъ сознаться, что самъ онъ никакой серебряной горы не знаетъ, а знаетъ ее доставившій ему, Перезолову, рудный кусокъ житель г. Пелыма новокрещенный вогулякъ Гаврило Ивановъ. Этого вогуляка въ г. Пелымѣ, куда посланные прибыли 13 октября, дѣйствительно нашли на жительствѣ и онъ сначала было охотно взялся сопровождать ихъ къ мѣсту нахожденія горы, но потомъ, дорогою, началъ стороной намѣкать, что серебряную гору эту лучше не искать, тѣмъ болѣе, что „тамошніе вогуляки всѣмъ имъ, посланнымъ, сулятъ по собольей шубѣ за то, чтобы къ той горѣ не ѣздили и никому ее не объявляли". Когда, не смотря на такіе посулы, Стрѣлковъ сталъ настаивать на указаніе горы, вогулякъ хотя и повелъ партію дальше вверхъ по Пелыму рѣкѣ, но доведя ее до первыхъ вогульскихъ юртъ Березовскаго вѣдомства, остановился и безъ обиняковъ объявилъ, что „хотя де и веду васъ для показанія руды, но токмо самъ не знаю—гдѣ оная гора стоитъ: а взялъ я руду, того-же Пелымскаго уѣзда Пелымской волости деревни Салту, у новокрещеннаго вогулятянина Ѳедота Бѣлоглазова, который руду и покажетъ обстоятельно, а я болѣе вести васъ куда не знаю". Привелось послѣ такого заявленія обратиться вспять отъ вогульскихъ жилищъ Березовскаго вѣдомства и искать вогулятянина Бѣлоглазова, котораго и нашли вскорѣ, но его, сидѣвшій въ г. Пелымѣ на воеводствѣ, Василій Степановичъ Страховъ съ посланными не отпустилъ, такъ что возвратиться въ Екатеринбургъ Стрѣлковъ съ товарищами долженъ былъ съ пустыми руками. Обо всемъ этомъ гренадеръ Стрѣлковъ подалъ, 12 ноября, отчетный рапортъ Бэеру, а этотъ послѣдній, не видя дальнѣйшаго проку отъ серебряной Пелымской горы дворянъ Демидовыхъ, все дѣло о ней передалъ въ Екатеринбургскую горную канцелярію.

Канцелярія почти три года занималась потомъ разслѣдованіями, относящимися къ серебряной Пелымской горѣ, вогуляка Иванова заключила подъ стражу, а заявителямъ и свидѣтелямъ давала очныя ставки и чинила „пристрастные" и безпристрастные допросы, но въ концѣ выяснила только исторію перехода куска руды изъ рукъ въ руки, такъ какъ Осипъ Перезоловъ получилъ его отъ вогуляка Иванова, Ивановъ взялъ у жителя Выйскаго завода Андрея Трофимова, Трофимовъ—у жителя Нижне-Тагильскаго завода Алексѣя Стукало, Стукало, въ свою очередь,—у прикащика Колыванскаго завода Максима Загурскаго, а этотъ послѣдній извлекъ изъ тѣхъ самыхъ Колыванововоскресенскихъ шурфовъ, которые Бэеръ съ коммиссіею ѣздилъ осматривать. Вогуляка Иванова, послѣ разслѣдованія, давшаго такіе

результаты, наказали плетьми и отпустили домой, но случилось все это уже вдолги послѣ отъѣзда Бэера съ Урала, между тѣмъ онъ, вслѣдъ за отправкой Стрѣлкова съ товарищами въ Пелымскій уѣздъ, вернулся въ Екатеринбургъ и оттуда поѣхалъ на старый Шилово-Исетскій мѣдный рудникъ, заинтересовавшій его признаками золота.

Послѣднепомянутый рудникъ заложенъ былъ на берегу р. Исети, у дер. Шиловой и начатъ разработкою едва ли еще не въ тѣ времена, когда первыми Уральскими заводами завѣдывалъ, черезъ воеводскія канцеляріи, сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ, а мѣдь, по его же распоряженію, выплавляли на бывшемъ Уктусскомъ заводѣ. Есть нѣкоторыя, хотя и слабыя, основанія полагать, что признаки золота близь Шилово-Исетскаго рудника*) обнаружены были также прежде пріѣзда Бэера на Уралъ. Впрочемъ, исторія самаго ранняго открытія золота на Уралѣ по нынѣ не вполнѣ разъяснена; въ офиціальномъ описаніи, къ которому безъ сомнѣнія можетъ быть отнесенъ, изданный въ 1875 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ „Списокъ населенныхъ мѣстъ“ Пермской губерніи (XXXI), обработанный Н. Штиглицомъ, исторія эта объясняется такъ: „Первое открытіе руднаго мѣсторожденія золота на Уралѣ было сдѣлано случайно, въ окрестностяхъ р. Пышмы, крестьяниномъ села Шарташа Екатеринбургскаго уѣзда Ерофеемъ Марковымъ въ 1745 году, представившимъ обломки руднаго кварца съ видимымъ въ нихъ вкрапленнымъ золотомъ. Первый открытый рудникъ названъ Шарташскимъ, переименованнымъ потомъ въ Пышминскій, а нынѣ извѣстный подъ именемъ Первопачальнаго. Открытіе перваго рудника подало поводъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ, и съ 1746 по 1753 годъ открыты были богатые рудники: Березовскій, Цвѣтной, Ильинскій и Соймоновскій, которые доставили огромное количество рудъ съ богатымъ содержаніемъ золота. Съ 1754 года протолчка рудъ и вымывка золота стала производиться въ построенномъ на рч. Березовкѣ Березовскомъ заводѣ, а лѣтъ черезъ 10-ть построенъ другой—Пышминскій заводъ“. Другое, офиціальное-же описаніе Пермской губерніи, составленное офицеромъ генеральнаго штаба Мозелемъ, о томъ же предметѣ говоритъ, что, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, именно „въ 1745 году открыто золото въ окрестностяхъ Екатеринбурга, по р.р. Исети, Пышмѣ, Нейвѣ и Тагилу“. Такимъ образомъ, ни о Шилово-Исетскомъ рудникѣ, ни о Бэерѣ въ приведенныхъ описаніяхъ не упоминается, между тѣмъ фактъ обнаруженія золота при послѣднемъ рудникѣ если и не ранѣе 1745 года, то въ этомъ же году, равно какъ и фактъ участія Бэера, если не во всѣхъ золотыхъ открытіяхъ 1745 года, то въ открытіи мѣсторожденія Шилово-Исетскаго, документами коммиссіи вполнѣ доказываются.

---

*) Въ одномъ старомъ академическомъ календарѣ, принадлежавшемъ нѣкогда помощнику начальника Богословскаго округа П. А. С.... ву, сдѣлана рукописная замѣтка, что добыча золота на Уралѣ началась въ 1719 г., но гдѣ именно и на какихъ документахъ основано это показаніе, не объяснено.

Деревня Шилова, съ рудникомъ при ней, расположена вправо отъ того тракта, который отъ Екатеринбурга, черезъ д.д. Истокъ, Косулину, с. Брусянское, с. Логиновское, д. Бутырки и с. Покровское, идетъ на Каменскій заводъ и далѣе—на города Далматовъ, Камышловъ, Шадринскъ и Ялуторовскъ; подъ названіемъ Исетскаго, трактъ этотъ, въ предѣлахъ Екатеринбургскаго округа, тянется почти параллельно теченію р. Исети, но не въ близкомъ отъ нея разстояніи и только около д. Бутырки приближается къ ней версты на $1^1/_2$ или 2. Деревня Бутырки расположена при небольшой, пересѣкающей трактъ, рѣчкѣ, впадающей въ Исеть; при устьѣ этой рѣчки стоитъ старая Камышевская слобода, переименованная позже въ село Камышево, а ниже послѣдняго, верстахъ въ 6-ти,—стоитъ селеніе вышеномянутаго Шилово-Исетскаго рудника, до котораго отъ Екатеринбурга насчитывается верстъ 70. Въ пріѣздъ Бэера рудникъ этотъ уже не разработывался, но еще сохранялъ рабочую обстановку, которая состояла, какъ видно изъ составленнаго тогда плана, изъ трехъ группъ построекъ: во 1-хъ, изъ домовъ приписныхъ заводскихъ крестьянъ д. Шиловой, стоявшихъ возлѣ самаго берега р. Исети, по лѣвую сторону ея и по лѣвую же, южную, сторону того лога (или можетъ быть, рѣчки), который по распоряженію Бэера расшурфовывался и далъ золото и который впадалъ въ Исеть саженяхъ въ 50 ниже первыхъ домовъ деревни; во 2-хъ, изъ поселка, въ которомъ жили горные ученики, надзиратель и штейгеръ въ казармахъ и собственныхъ домахъ и который также стоялъ у берега Исети, саженяхъ въ 50—60 отъ золотоноснаго лога, но уже по правую, сѣверную, сторону послѣдняго; въ 3-хъ, изъ рабочей избы, кузницы, амбара и шатра для коннаго ворота близь главной рудничной шахты, которые располагались еще сѣвернѣе поселка горныхъ учениковъ, отъ лога саженяхъ въ 320, а отъ берега Исети саженяхъ въ 120. Первыми работами на рудникѣ этомъ произведены были, судя по плану, двѣ капитальныя выемки: сейчасъ упомянутая главная шахта и проходная штольна между послѣднею и берегомъ Исети, выходившая на дневную поверхность въ крутомъ уклонѣ берега. Что-же касается пробныхъ работъ, произведенныхъ по распоряженію Бэера, то онѣ не касались самого рудника и состояли только изъ выбитыхъ по направленію упомянутаго выше золотоноснаго лога 11-ти шурфовъ—четырехъ съ правой и семи съ лѣвой стороны его, при чемъ въ девяти шурфахъ найдены были только признаки мѣди, а въ двухъ шурфахъ, изъ которыхъ одинъ заложенъ былъ правѣе лога, отъ устья его саженяхъ въ 75, а другой съ лѣвой стороны, отъ устья саженяхъ въ 13,—нашелся такой кварцъ, въ которомъ видны были зерна золота.

Послѣ отъѣзда Бэера съ Урала, работы на Шилово-Исетскомъ рудникѣ были возобновлены, какъ можно заключить изъ помѣщеннаго въ Полн. Собр. Зак., подъ № 9489, кабинетскаго указа, отъ 10 марта 1748 года; но слѣды ихъ въ настоящее время, вѣроятно, уже изгладились, тѣмъ болѣе, что дер. Шилова разселилась, судя по картамъ того масштаба, въ какомъ составле-

ны были карты съемки Алёри и Бержье 1854—1861 г., по обѣ стороны р. Исети и по обѣ стороны золотосодержащаго лога, также какъ и вверхъ по нему и, слѣдовательно, означенныя работы должны были войти въ черту Шиловскаго поселенія.

Приданное Бэеромъ золотосодержащимъ кускамъ кварца, извлеченнымъ изъ шурфовъ Шилово-Исетскаго лога, названіе „золотой руды“, не безспорно. Въ прежнее время у насъ не допускали, какъ извѣстно, возможности нахожденія золота близь земной поверхности, въ составѣ розсыпей, и, вслѣдствіе такого взгляда, мѣста, обнаруживавшія слѣды его, всегда развѣдывали „въ глубь, а не въ ширь“. Сдѣлалъ ли подобную-же ошибку Бэеръ при развѣдкѣ Шилово-Исетскаго мѣсторожденія, не изъ чего не видно, но несомнѣнно, что онъ повторилъ ее при другомъ случаѣ, приводившемъ его къ одной изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ розсыпей на Уралѣ.

Сопутствовавшій Бэеру въ поѣздкѣ на Колывановоскресенскіе заводы гранильщикъ Иванъ Бабинъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, привелъ къ нему ссыльнаго Гавріила Орлова, который подалъ слѣдующую, удостовѣренную рукоприкладствомъ Бабина, сказку: „Въ нынѣшнемъ 745 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ обыскалъ признаки золотой и серебряной руды Екатеринбургскаго вѣдомства Арамильской слободы деревни Сѣдельниковой крестьянинъ Пантелей Черноскутовъ, у котораго я былъ въ домѣ и онъ мнѣ о тѣхъ рудахъ объявилъ, на что я, по признанію своему, сказалъ, что изъ оныхъ одна золотая, а другая серебряная руда, и оной крестьянинъ мнѣ, гдѣ тѣ руды найдены, о мѣстахъ сказывалъ, что-де оныя найдены отъ Екатеринбурга разстояніемъ, напримѣръ, въ тридцати верстахъ, и при томъже я ему, Черноскутову, сказывалъ о пескахъ золотыхъ, каковы въ Китайскомъ государствѣ имѣются, на что мнѣ тотъ крестьянинъ сказалъ, что такой-же-де песокъ есть около тѣхъ-же мѣстъ, гдѣ объявленныя руды найдены, не по далеку, и при семъ-же изъ оныхъ показанныхъ мнѣ отъ Черноскутова рудъ объявляю при семъ по частѣ для пробы“. Объявленіе это подано было Бэеру еще до отъѣзда его въ Невьянскій заводъ, именно 2 октября 1745 года, но большаго значенія ему онъ не придалъ, такъ какъ, по его заключенію, доставленные рудные образцы „по наружному виду ничего въ себѣ не содержатъ“, въ чемъ, однако, не вполнѣ былъ увѣренъ и потому, на другой день, отнесся въ Екатеринбургскую горную канцелярію съ формальнымъ предложеніемъ: развѣдать указанныя Черноскутовымъ и Орловымъ мѣста—„не можетъ ли *въ глубинѣ* оказаться богаче руда, а также и золотой песокъ найтиться“? Для развѣдки этой велѣно было послать берггауера, иноземца Макке съ рабочими, которому дать инструменты, припасы, лошадей и фуражъ для послѣднихъ дня на четыре, что канцеляріею было исполнено, но золота въ указанныхъ мѣстахъ иноземецъ Макке не нашелъ.

Деревня Сѣдельникова расположена на рѣчкѣ Арамилкѣ, впадающей, въ 23 верстахъ отъ Екатеринбурга, въ р. Исеть, съ правой стороны ея;

при устьѣ рѣчки стоитъ село Арамильское, а выше его, на той-же рѣчкѣ—дер. Малая-Сѣдельникова, замѣчательная, между прочимъ, по нахожденію при ней родонита; еще выше, версты на 3 или 4, стоитъ дер. Большая-Сѣдельникова или Шабры, имя которой носила извѣстная Шабровская розсыпь, и, наконецъ, еще выше, въ самую вершину рѣчки, впадаетъ не менѣе извѣстный Воронковскій ключъ, съ цѣлою свитою залегавшихъ въ окрестности его розсыпей, теперь уже выработанныхъ, конечно. Посланный въ эти мѣста иноземецъ Макке ходилъ по золоту и если не нашелъ его, то, вѣроятно, потому главнымъ образомъ, что, руководствуясь указаніями Бэера, старался только узнать—„не можетъ ли *въ глубинѣ* оказаться богаче руда“. Подобный-же развѣдочный пріемъ долго мѣшалъ, какъ извѣстно, открытію золотыхъ розсыпей и въ другихъ мѣстахъ, такъ что начало добычи розсыпнаго золота мы можемъ считать принадлежащимъ уже нашему столѣтію. „Въ 1774 году—говорится въ объясненіяхъ къ „Списку населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи“,—„при построеніи вассерштольны Ключевскаго рудника Березовскихъ промысловъ, во время самыхъ работъ, показывались нѣсколько разъ ключи, выносившіе съ собою золотой песокъ, но на это не было обращено вниманія. Тоже самое повторилось и въ 1804 году. Наконецъ, на золотоносный песокъ было обращено вниманіе штейгера Брусницына въ 1814 году и съ этого времени началась промывка песка въ дачахъ Березовскаго завода, по р. Пышмѣ“. Къ этому надо прибавить, что 1814 годъ можно пока считать начальнымъ въ продолжающемся періодѣ промывки золотыхъ песковъ не только для дачъ Березовскаго завода, но и вообще для Сибири и Урала.

Изъ бумагъ коммисіи видно, что въ половинѣ ноября 1745 года, Бэеръ получилъ какой-то указъ изъ Кабинета, вызывавшій его въ Петербургъ, куда вскорѣ и долженъ былъ отправиться, и, можетъ быть, по этой причинѣ, ни отъ Петра Бабина, который въ первый пріѣздъ коммисіи на Уралъ уполномоченъ былъ пріискивать „подземныя сокровища въ Сибирской губерніи, до океана и Соловецкаго Бѣлаго Моря“, ни отъ другихъ приглашенныхъ рудоискателей, заявленій въ бумагахъ коммисіи не содержится. Видно только, что, мѣсяцъ спустя послѣ вызова, Бэеръ былъ уже въ Петербургѣ и 17 декабря 1745 года, представляя выплавленное на Колыванскомъ заводѣ серебро, подалъ рапортъ о своей поѣздкѣ и свое мнѣніе о Колывановоскресенскихъ заводахъ.

V.

Удостовѣривъ благонадежность Колывановоскресенскихъ серебросвинцовыхъ мѣсторожденій и объяснивъ, какъ надо полагать, свои переговоры съ наслѣдниками А. Н. Демидова, Бэеръ, въ отчетномъ рапортѣ, первый высказалъ ту мысль, что строить особый заводъ для плавки уступленныхъ Демидовымъ рудъ, какъ предполагалось сначала и какъ выражено было въ указѣ Императрицы 17 мая 1744 года, нѣтъ надобности и что цѣлесообраз-

нѣе пріобрѣсти для этой цѣли отъ наслѣдниковъ Демидова готовые заводы. Предположеніе это было потомъ утверждено Императрицей и осуществленіе его возложено на ту же свидѣтельствовавшую заводы коммисію, которая по этому и просуществовала, послѣ возвращенія въ Петербургъ, еще безъ малаго полтора года.

Отвѣта на представленіе 17 декабря 1745 года долго не получалось; между тѣмъ приближалась весна 1746 года, а съ нею и перерывъ сообщеній съ заводами, въ виду чего Бэеръ рѣшился еще разъ напомнить Кабинету о Колывановоскресенскихъ заводахъ и 26 марта 1746 года подалъ второй рапортъ, въ которомъ писалъ, что если означенные заводы, согласно съ прежнимъ его представленіемъ, рѣшено будетъ взять отъ Демидовыхъ, то необходимо, не упуская времени, послать туда такого уполномоченнаго, который бы могъ запретить приказчикамъ Демидова плавить мѣдныя руды, такъ какъ если этого запрещенія своевременно не будетъ сдѣлано, то приказчики „дрова и уголь сожгутъ, да и лѣсовъ выведутъ не малое число", а уполномоченный, если пошлется и весной, то раньше осени на заводы все таки не прибудетъ. Такимъ уполномоченнымъ, по мнѣнію Бэера, можно-бы послать прибывшаго вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, лейтенанта Самуэля Христіани, который и напредь сего, при тѣхъ же заводахъ, на коштѣ Демидова содержанъ былъ командиромъ и тамошніе заводскіе порядки знаетъ". Кабинетъ убѣдился на этотъ разъ доводами Бэера, въ тотъ-же день доложилъ, черезъ барона Ивана Черкасова, вновь вступившее представленіе Императрицѣ и указомъ, подписаннымъ Черкасовымъ 26-же марта, далъ Бэеру знать, что Ея Императорское Величество плавку мѣдныхъ рудъ на Колыванскомъ и Барнаульскомъ заводахъ повелѣла запретить, а для заготовленія дровъ, угля и припасовъ, также для описи имущества, послать туда Самуэля Христіани, снабдивъ его инструкціею, которую дать „отъ васъ (Бэера), по знанію вашему въ заводскихъ горныхъ обхожденіяхъ". Отсюда, между прочимъ, видно, что пріемъ заводовъ отъ наслѣдниковъ Демидова рѣшенъ былъ прежде чѣмъ состоялся извѣстный Высочайшій указъ о томъ 1 мая 1747 года, притомъ не столько по иниціативѣ Кабинета, сколько по настояніямъ Бэера, который еще въ пребываніе свое на означенныхъ заводахъ, судя по намѣченнымъ имъ тамъ перестройкамъ, предрѣшилъ этотъ вопросъ.

Заключенный 27 марта барономъ Черкасовымъ, на основаніи Высочайшаго разрѣшенія, контрактъ съ офицеромъ горнаго правленія Фрейбергскаго курфиршества, саксонскимъ урожденцемъ, Самуэлемъ Христіани обязывалъ послѣдняго быть въ русской горной службѣ „при казенныхъ Гороблагодатскихъ Кушвинскихъ желѣзныхъ, такожъ и партикулярныхъ Колыванскомъ, Барнаульскомъ и Шульбинскомъ заводахъ и въ дистриктахъ оныхъ" и служить отъ дня подписанія контракта шесть лѣтъ, и при томъ быть радѣтельнымъ, послушнымъ и исполнительнымъ, какъ доброму и честному офицеру надлежитъ, а отъ безбожнаго житія, яко пьянства и другихъ тому

подобныхъ непорядочныхъ поступковъ воздерживаться. Кабинетъ, съ своей стороны, обязался дать Христіани рангъ маіора, соотвѣтствовавшій саксонскому рангу оберъ-бергъ-гиттенъ-вардейна, также квартиру, денщиковъ, прогоны и по 600 рублей жалованья на каждый годъ. Оговорка о службѣ на Гороблагодатскихъ заводахъ сдѣлана была въ этомъ контрактѣ, очевидно, только для того, чтобы дать Христіани право числиться въ казенной службѣ, а въ дѣйствительности служить на заводахъ партикулярныхъ. Чтоже касается инструкціи, составленной Бэеромъ, то ею Христіани уполномочивался взять отъ Кабинета, на имя Екатеринбургской горной и Сибирской губернской канцелярій, также на имя командовавшаго сибирскими линейными полками генералъ-маіора Киндермана, исполнительные, по касавшимся до нихъ дѣламъ, указы, и, сверхъ того,—общій послушный указъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и прочимъ губернскимъ властямъ; далѣе предписывалось—ѣхать, съ двумя гвардіи солдатами, въ Екатеринбургъ и требовать отъ тамошней горной канцеляріи, чтобы она предписала Невьянской конторѣ Демидовыхъ, а эта послѣдняя приказчикамъ Колывановоскресенскихъ заводовъ, чтобы они, равно какъ и приписанные къ тѣмъ заводамъ крестьяне, были ему, Христіани, послушны; отъ той-же горной канцеляріи Христіани долженъ былъ вытребовать и увезти на Колывановоскресенскіе заводы назначенныхъ Бэеромъ людей, между прочимъ бывшаго уже тамъ съ нимъ, Бэеромъ, секретаря Анстова; въ Тобольскѣ слѣдовало принять отъ Сибирской губернской канцеляріи 5/т. рублей денегъ на расходы; наконецъ, по прибытіи на Колывановоскресенскіе заводы, по силѣ кабинетскаго указа и полученной инструкціи, Христіани долженъ былъ произвести указанныя въ послѣдней перестройки на заводахъ, сдѣлать всему описи, пополнить запасы, пересортировать добытыя демидовскими приказчиками руды, къ плавкѣ которыхъ, однако, „до прибытія главнаго надъ заводами командира, кто назначенъ будетъ, не приступать“. О разбирательствѣ споровъ между горнозаводскими людьми и о чиненіи надъ ними суда и расправы, также о мѣрахъ предосторожности отъ непріятельскихъ нападеній на заводы, въ инструкціи ничего не было сказано, между тѣмъ, по званію временнаго, хотя и коммисіею только уполномоченнаго колывановоскресенскаго командира, Христіани нельзя было не принять на себя и этихъ обязанностей.

Изъ дѣла видно, что изъ Петербурга, съ полученными наставленіями и указами, Христіани выѣхалъ около половины апрѣля мѣсяца; между 27 числомъ мая и 10 іюня онъ былъ въ Екатеринбургѣ и велъ переписку о секретарѣ Анстовѣ, котораго горная канцелярія не желала отпускать и исполнила требованіе уже впослѣдствіи, послѣ переписки съ Кабинетомъ; періодъ съ 17 по 25 іюня посланный провелъ въ Тобольскѣ, за пріемомъ денегъ, которыя отпущены были ему мѣдною монетою и которыхъ, по донесенію Христіани, могли насчитывать только по 200, 300 и не болѣе 700 рублей въ день; наконецъ, 4 августа уполномоченный явился на Колыванскій

заводъ и принялся прежде всего за перестройки, такъ какъ заводы были въ худомъ положеніи и для приспособленія къ сереброплавиленному дѣйствію нуждались въ дополнительныхъ устройствахъ.

Объ успѣхѣ работъ на Колыванскомъ и Барнаульскомъ заводахъ, о заготовленіяхъ, описяхъ и обо всѣхъ происшествіяхъ, Христіани посылалъ Бэеру періодическіе „экстракты“, изъ которыхъ, между прочимъ, видно, что на первомъ изъ упомянутыхъ заводовъ, у плотины, въ вешняшномъ дворѣ, „обѣ пазухи промыло и отъ того была великая течь, такъ что тою (напрасно убѣгавшею) водою дѣйствовать тремъ плавиленнымъ печамъ можно было“; плотинные деревянные лари были также ненадежны, между тѣмъ лѣсу для перестройки ихъ заготовлено не было, что заставило уполномоченнаго отложить эту перестройку до лѣта слѣдующаго года, а пока ограничиться только земляной забивкой промывинъ въ пазухахъ, хотя и эта работа заставила воду изъ пруда всю безъ остатка выпустить, а землю до самой подошвы плотины раскопать. Въ плавиленной фабрикѣ и гармахерской, прежде построенные трейбъ и зейгеръ-герты, также гармахерскій горнъ и даръ-офенъ, Христіани долженъ былъ сломать и замѣнить приспособленными къ плавкѣ серебряныхъ рудъ и шахтными печами, а существовавшія ранѣе плавиленныя печи, изъ которыхъ собственно сереброплавиленныхъ было, кажется, только двѣ,—повысить вмѣстѣ съ фундаментами, мѣховыми устройствами и даже фабричнымъ поломъ, потому что въ печи, вслѣдствіе низкаго положенія ихъ, проникала почвенная вода. При разломкѣ упомянутыхъ печей, въ фундаментахъ, Христіани нашелъ, между прочимъ болѣе 110 пудовъ убѣжавшаго при Демидовскихъ плавкахъ свинца, изъ котораго выдѣлено потомъ болѣе пуда серебра, чѣмъ, по донесенію Христіани, все „строеніе окупиться можетъ“. Это послѣднее замѣчаніе могло быть вѣрно, впрочемъ, только относительно печей, а не вообще перестроекъ, которыхъ Бэеръ не мало назначилъ произвести не только на Колыванскомъ, но и на Барнаульскомъ заводѣ, гдѣ также надо было поднять полы въ фабрикахъ, повѣсить мѣха, мѣховые валы, печи и печные фундаменты, такъ какъ по веснамъ все это топило водой, которая въ 1746 году, съ 31 мая по 1 іюля стояла на $^3/_4$ аршина выше уровня фабричнаго пола; требовалось, кромѣ того, построить большую раздѣлительную печь „противъ Саксонскаго Фрейбергскаго манпру, чтобъ вдругъ можно свинца съ серебромъ въ нее положить до двухъ сотъ пудъ“ и для этого очистить мѣсто въ гармахерской фабрикѣ, разломавъ четыре горна въ ней, равно какъ, въ свою очередь, въ плавиленной фабрикѣ разломать двѣ мѣдиплавиленныя печи и складь вмѣсто нихъ двѣ же сереброплавиленныя и четыре зейгеръ-герта, а внѣ фабрики—поставить сарай для пожиганія роштейна, квартиры для приставниковъ, казармы для рабочихъ и нѣсколько другихъ жилыхъ домовъ и нежилыхъ помѣщеній. Вообще, программа перестроекъ дана была Христіани обширная, между тѣмъ строительныя средства его были стѣснены, такъ какъ недоставало сухаго лѣсу, горноваго камня, кирпича, желѣза, желѣзныхъ вещей,

слюды для оконъ и, наконецъ, денегъ. Кирпичъ, между прочимъ, обманулъ строителя своими размѣрами, такъ какъ на Колыванскомъ заводѣ онъ готовился въ 1×½×¼ фута, противъ чего разсчитывалась потребность въ немъ и на Барнаульскомъ заводѣ, между тѣмъ, тамъ онъ оказался приготовленнымъ совсѣмъ по другому шаблону; горновой камень хотя и имѣлся въ заготовленіи при устьѣ р. Локтевки, но сплавить его по Оби, за маловодіемъ, не могли; отпускъ желѣза съ Невьянскаго завода, продовольствовавшаго имъ Колывановоскресенскіе заводы, прекратился; требовался тройной комплектъ фурмъ для 17 печей, 100 блейтреннелей 12 зейгеръ-шартенъ, 12-же фришъ-фанъ*) и много другихъ металлическихъ вещей, но взять въ скорости все это было неоткуда. Наконецъ, къ февралю 1747 года, истощились и деньги, привезенныя изъ Тобольска, изъ которыхъ Христіани, еще въ началѣ пріѣзда на Колыванскій заводъ, отдалъ 1500 рублей конторѣ послѣдняго, такъ какъ „отъ нихъ (Демидовыхъ) на заводскій расходъ денегъ ничего не прислано и мастеровые люди жалованья немалое время не получали и терпятъ въ пропитаніи нужду“; послѣ Христіани сталъ требовать, чтобы контора возвратила хотя 500 рублей изъ этого долга и даже распорядился, чтобы „пока того числа денегъ отъ той конторы отдано не будетъ, приказчика Дмитрія Тимофѣева Хабарова (?) держать подъ карауломъ неисходно“, но такая мѣра ничему не помогала, такъ какъ, при всемъ желаніи возвратить себѣ свободу, Хабаровъ не могъ отдать денегъ и Христіани волей-неволей долженъ былъ пріостановить работы, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ, которыя производились чрезъ приписныхъ крестьянъ и немедленной оплаты не требовали.

Невполнѣ удачнымъ вышло также выполненіе той части возложенныхъ на Христіани порученій, которая касалась приведенія въ извѣстность имуществъ заводскихъ, описывать которыя, независимо отъ него, Христіани, на заводы прибыли, какъ видно изъ рапорта его Бэеру отъ 22 ноября 1746 года, шихтмейстеръ Григорій Клеопинъ съ унтеръ-шихтмейстеромъ Иваномъ Мелентьевымъ, посланные отъ президента бергъ-коллегіи генералъ-маіора Томилова, озабочивавшагося раздѣломъ заводовъ между наслѣдниками умершаго Акинѳія Никитича; „онымъ Клеопинымъ съ товарищемъ“,— писалъ Христіани въ другомъ рапортѣ, посланномъ 23 февраля 1747 года,— „Демидова подъячіе къ тому описанію почитай всѣ взяты“ и по этой причинѣ предписанныхъ коммиссіею вѣдомостей „по нынѣ не сочинено“, что зависѣло, впрочемъ, и отъ того, что Христіани не могъ удѣлять имъ много личнаго вниманія, такъ какъ отвлекался другими, болѣе неотложными дѣлами управленія. Между прочимъ, генералъ-маіоръ Киндерманъ, ордеромъ отъ 16 января 1747 г., черезъ поручика новоучрежденнаго драгунскаго полка Степана Волкова, требовалъ отъ Христіани, чтобы заводы „отъ воровскихъ непріятельскихъ подбѣговъ и грабительствъ имѣли всегдашнюю и

*) Саксонскія названія, означающія металлическія чашки, рамы для печныхъ оконъ и сковороды.

недреманную предосторожность и частые разъѣзды“ и чтобы крестьяне во опасныхъ мѣстахъ, кому куда зачѣмъ будетъ нужда, ѣздили съ ружьемъ, и не по одному или по два человѣка, но и болѣе“. Официальный толмачъ Колывановоскресенскихъ заводовъ Матвѣй Текутьевъ, съ своей стороны также напоминалъ о необходимости предосторожностей, въ особенности на Чигирскомъ рудникѣ, откуда между прочимъ писалъ: „октября 30-го (1746 г.) пріѣзжалъ уряпхаецъ Далада Туледѣевъ и говорилъ, что насъ не боится, у насъ увезли воровъ въ дальную Ургу; октября 31-го тотъ-же Далада пріѣзжалъ съ другимъ калмыкомъ и говорили тѣ же рѣчи, а ружья при нихъ была одна турка; ноября 3-го пріѣзжалъ уряпхаецъ же Чекулай съ 12-ю человѣками и говорилъ, что пріѣзжали къ нимъ русскіе три человѣка, для отысканія потерянныхъ коней и мы-де имъ коней, девять лошадей, отдали и послали имъ подарки,—три лисицы черныя, да три лисицы красныя,— и со оными тремя человѣками было положено чтобы имъ въ Капъ опять быть въ десятый день, а они и по нынѣ не бывали и живы-ли они или нѣтъ—про то не свѣдомы; а прежде-де сего мы пріѣзжали въ 744 году на оной Чигирской рудникъ для разговоровъ, при толмачѣ Васильѣ Вялковѣ, и намъ разговоровъ не дали никакихъ; а между нами все ссору дѣлаютъ воры—наши, а башлыки не знаютъ; а мы-де на весну къ вамъ въ заводъ будемъ съ мѣной—съ овчинами, съ войлоками и со всякой мелочью торговать. А между собой у нихъ разговоръ былъ про двухъ калмыковъ, что-де къ нимъ одинъ вышелъ нагъ, а про другаго не знаютъ—убили ли его или поймали гдѣ“. По собраннымъ Текутьевымъ свѣдѣніямъ, тѣ пріѣзжавшіе калмыки были „люди худые“ и не спроста пріѣзжали, что, по видимому, раздѣлялъ и Христіани, такъ какъ тотчасъ же донесъ о разговорахъ толмача съ ними Бэеру, а самъ отправился, вслѣдъ за тѣмъ, на Чигирскій рудникъ производить слѣдствіе—почему именно завѣдывавшій этимъ рудникомъ вице-маршейдеръ Герихъ донесъ ему объ означенныхъ разговорахъ только 24 января, тогда какъ толмачъ Текутьевъ подалъ объявленіе о нихъ за полтретья мѣсяца*) передъ тѣмъ?

Слѣдственныя разбирательства вообще должны были озабочивать временнаго заводоначальника тѣмъ болѣе, что при производствѣ ихъ онъ изъ положенія слѣдователя легко могъ самъ ставать въ положеніе подслѣдственнаго. Такъ, изъ одного, производившагося имъ дѣла видно, что наѣхавшіе въ концѣ октября 1846 г. изъ Кабановой защиты въ дер. Алейскую драгуны, захватили, по доносу старосты той деревни Андрея Хромцова, односельчанъ послѣдняго—Мирона Кунгурова и двухъ Бѣлоусовыхъ, отца съ сыномъ, съ тѣмъ, чтобы везти ихъ на допросы въ Бикатунскую крѣпость, но дорогой захваченные бѣжали и явились къ Христіани въ Колыванскій заводъ съ жалобами, вслѣдствіе чего вызванъ былъ и Хромцовъ изъ дер. Алейской. Этотъ послѣдній доносъ свой объяснилъ тѣмъ, что

*) Т. е. за 2½ мѣсяца.

Бѣлоусовъ — отецъ вовсе не крестьянинъ, а бѣглый солдатъ, а Бѣлоусовъ — сынъ занимается пристанодержательствомъ, точно также какъ и Кунгуровъ, у котораго онъ, Хромцовъ, въ прошломъ 745 году, дней за 12 до Рождества, засталъ въ домѣ крестьянина Елисѣя Чашкова, розыскивавшагося по важному дѣлу и обвинявшагося въ томъ, что „когда было въ деревнѣ Усть-Чарышской раскольниковъ, Кудрявцева съ товарищи, собраніе *къ сожженію себя* и когда, весной сего (1745) года, для уговариванія ихъ, былъ посланъ изъ Бѣлоярской крѣпости поручикъ Степанъ Волковъ съ командою, то (онъ, Чашковъ) подбѣгалъ*) къ нимъ, Кудрявцеву съ товарищами, и сказалъ, что оной Волковъ къ нимъ ѣдетъ для поимки ихъ и тогда они всѣ оттого сгорѣли". При дальнѣйшихъ допросахъ Хромцовъ былъ „пристращенъ плетьми" и отъ боли закричалъ „государево дѣло" на Бѣлоусова (отца) и Кунгурова, вслѣдствіе чего Христіани долженъ былъ остановить начатое дѣло и производить другое, а Кунгурова, Бѣлоусова и самого Хромцова, тѣмъ временемъ, „заковать въ ручныя и ножныя желѣза, посадить подъ крѣпкій караулъ и никого до нихъ не допущать, и ежели кто изъ свойственниковъ къ нимъ ѣсть принесетъ, то напередъ ихъ накушивать (принесенное) часовымъ, також платье и протчее съ нихъ снять, кромѣ рубашекъ и портковъ, чтобы тѣмъ не могли они себѣ притчины учинить". Никакой „притчины" себѣ заключенные и не учинили, такъ какъ Хромцовъ на другой же день „сговорилъ" съ Бѣлоусова и Кунгурова „государево дѣло", сознавшись, что скричалъ это дѣло ложно „не стерпя плетей", но такое сознаніе заставило Христіани приговорить Хромцова къ новому наказанію,— „вмѣсто кнута плетьми", а такъ какъ послѣднія въ этой новой редакціи оказались не мягче прежнихъ, то Хромцовъ опять не стерпѣлъ и опять закричалъ „государево дѣло", на этотъ разъ уже на самаго слѣдователя Христіани, который, по существовавшему судебному порядку, долженъ былъ еще разъ остановить дѣло и, сообщивъ о случившемся по начальству, ожидать слѣдствія уже надъ своими поступками и рѣчами.

„Мѣста здѣсь самые украинные", писалъ Христіани Бэеру по поводу другаго, около того-же времени случившагося, дѣла, вызваннаго возмущеніемъ рабочихъ противъ поступковъ рудничнаго оберъ-штейгера Гроса,— какъ бы „отъ нихъ не могло другой какой либо притчины учиниться", но это опасеніе было, кажется, напрасное: по крайней мѣрѣ, изъ бумагъ коммиссіи, не видно, чтобы въ періодъ управленія заводами Христіани цѣлость его пострадала, какъ не видно и окончанія дѣла его съ Хромцовымъ, что, можетъ быть, зависѣло отъ того, что вскорѣ послѣ разсказанныхъ происшествій, дѣла на заводахъ приняли другой оборотъ, болѣе благопріятный для нихъ.

Мая 1-го 1747 года состоялся извѣстный Высочайшій указъ на имя бригадира Бэера, которымъ ему повелѣвалось: „ѣхать на Колывановоскре-

*) Сибирское выраженіе, употребляемое вмѣсто прискакалъ, пригналъ (верхомъ на лошади),

сенскій заводъ умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинѳея Демидова и учинить тамъ слѣдующее: оной Колывановоскресенской, Барнаульской, Шульбинской (заводы) и протчее на Иртышѣ и Оби рѣкахъ и между оными всѣ строенія, какія обрѣтаются, заведенныя отъ покойнаго Акинѳея Демидова, со всѣми отведенными для того землями, съ выкопанными всякими рудами и инструментами, съ пушками и мелкимъ ружьемъ и съ мастеровыми людьми, собственными его Демидова и съ приписными крестьянами—взять на Насъ и онымъ строеніямъ и рудамъ сдѣлать опись и оцѣнку чего стоитъ, для знанія: что должно будетъ наслѣдникамъ его изъ казны Нашей заплатить, а въ таковую заплату зачитать то, ежели оной покойной Акинѳей Демидовъ и его наслѣдники въ казну Нашу (чѣмъ) должны".

Съ изданія этого, увѣнчавшаго Урало-Сибирскую поѣздку Бэера, указа, порученная ему коммиссія покончила свое существованіе, Христіани получилъ званіе ассесора учрежденной тѣмъ же повелѣніемъ канцеляріи Колывановоскресенскаго горнаго начальства, а бригадиръ Бэеръ вступилъ въ должность главнаго командира надъ пріобрѣтенными заводами, которыми и управлялъ потомъ до самой смерти своей († 21 мая 1751 г.).

П. О. Чупинъ.

Матеріалы для исторіи Гороблагодатскаго округа*).

Отраженія 1812 года.

Вскорѣ послѣ изданія манифеста 6 іюля 1812 года о нашемъ общемъ вооруженіи, Императоръ Александръ I-й прибылъ въ Москву, гдѣ во всѣхъ общественныхъ слояхъ встрѣтилъ такой горячій откликъ на свой призывъ, что явились какъ будьто даже опасенія за возможность поголовнаго возстанія всего русскаго народа противъ вторгнувшагося въ предѣлы Россіи непріятеля, а такъ какъ надобности въ томъ на первыхъ порахъ не предвидѣлось, да и польза отъ подобнаго увлеченія не окупила бы вреда, имъ причиненнаго, то вторымъ манифестомъ, изданнымъ 24 іюля, было объявлено: „По воззваніи ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ, о составленіи внутреннихъ силъ для защиты отечества, и по прибытіи Нашемъ въ Москву, нашли Мы, къ совершенному удовольствію Нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей. Сего ради, пріемля таковое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностію, обращаемъ Мы попеченіе наше на то, чтобы составя достаточныя силы изъ однѣхъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ. Для того учреждаемъ: 1) округа, состоящая изъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской губерній, приметъ самыя скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устроенію внутреннихъ силъ, долженствующихъ охранять первопрестольную столицу Нашу Москву и предѣлы сего округа; 2) округа, состоящая изъ С.-Петербургской и Новгородской губерній сдѣлаетъ тожъ самое для охраненія Санкт-Петербурга и предѣловъ сего округа; 3) округа, состоящая изъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губерній, приготовится разсчислить и назначить людей, но, до повелѣнія, не собираетъ ихъ и не отрываетъ отъ сельскихъ работъ; 4) всѣ прочія губерніи остаются безъ всякаго по онымъ дѣйствія, доколѣ не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ отечеству жертвамъ и услугамъ; наконецъ, 5) вся, составляемая нынѣ, внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое, изъ предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надѣжнѣйшаго охраненія отечества. Каждый изъ военоначальниковъ и воиновъ, при

---

*) Предъидущія статьи этихъ матеріаловъ были помѣщены въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1882 года, №№ 44, 71 и 76 (и перепечатаны въ «Памятной Книжкѣ Пермской губерніи на 1892 годъ») и въ 1 выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммисіи». *Ред.*

новомъ званіи своемъ, сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одѣжды, а по прошествіи надобности, то есть по изгнаніи непріятеля изъ земли Нашей, всякъ возвратится съ честію и славой въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ". Въ заключеніе говорится, что государственные, удѣльные и экономическіе крестьяне къ ополченію не привлекаются, такъ какъ будутъ подлежать обыкновенному рекрутскому набору.

Пермская губернія къ непосредственному участію въ военныхъ событіяхъ 1812 года, такимъ образомъ, не была призвана, но отсюда нельзя заключить, что они вообще не коснулись ее, тѣмъ болѣе, что, какъ горнозаводская, она призвана была, взамѣнъ того, посылать смерть и разрушеніе въ непріятельскія полчища, въ видѣ тѣхъ орудій, снарядовъ и металловъ, приготовленіе которыхъ на казенныхъ горныхъ заводахъ, въ неспокойные періоды, всегда вызывало лихорадочную дѣятельность даже и послѣ 1812 года. На ряду съ другими, губернія эта должна была также принять участіе въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ на надобности войны и раззоренныхъ ею жителей и, наконецъ, въ себѣ самой предупредить возможность внутреннихъ замѣшательствъ, равно какъ и внѣшнихъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, подслуживаній врагу.

Вторженіе Наполеоновыхъ полчищъ началось съ перехода ихъ, 12 іюня 1812 года*), черезъ Нѣманъ, но возможность его предвидѣлась раньше, такъ какъ еще въ 1811 году дѣлались соотвѣтственныя тому перемѣщенія въ войскахъ, вооружались крѣпости и даже принимались мѣры къ предупрежденію такихъ случайностей, какъ сообщеніе за границу о происходившихъ въ Россіи подготовленіяхъ, свѣдѣній кѣмъ либо изъ иностранцевъ, которыхъ въ то время, какъ и всегда, не мало проживало въ Россіи; было обращено также, исключительное до нѣкоторой степени, вниманіе на нашихъ домашнихъ сектантовъ-старовѣровъ, заподозривать которыхъ въ политической неблагонадежности, подобной той, въ какой могли быть заподозриваемы иностранцы, конечно, основаній не было, но которые уже одними нелѣпыми толками своими о пришествіи антихриста, о наступающемъ концѣ міра и тому подобныхъ ужасахъ могли мутить, и безъ того взволнованный ожиданіями, народъ.

Объ иностранцахъ, не задолго до 12 іюля, состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе, исполненіе котораго возложено было на тогдашняго главнокомандующаго въ Петербургѣ генерала отъ инфантеріи Сергѣя Кузмича Вязмитинова: „1) изъ иностранцевъ оставить въ каждой губерніи тѣхъ только, въ благонадежности коихъ начальникъ оной (губерніи) совершенно увѣренъ и пріемлетъ на себя точную отвѣтственность въ томъ, что они ни внушеніями личными, ни переписками, или другими какими сношеніями, не могутъ подавать повода къ какому либо нарушенію спокойствія, или къ

*) Манифестъ объ обратномъ изгнаніи ихъ изъ Россіи изданъ былъ 31 декабря 1813 г. *П. Ч.*

совращенію съ пути порядка россійскихъ вѣрноподданныхъ, о каковыхъ иностранцахъ прислать министерству полиціи*) немедленно списки; между тѣмъ, о тѣхъ изъ нихъ, кои находятся въ службѣ Нашей, взять свидѣтельства отъ ихъ начальствъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, кои выше въ сей статьѣ означены, и свидѣтельства сіи доставить равномѣрно министерству полиціи, съ замѣчаніями начальниковъ губерній; 2) всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, кои окажутся неблагонадежными и сомнѣніе наводящими, выслать за границу; 3) тѣхъ-же изъ нихъ, коихъ высылка сочтется, по усмотрѣнію начальниковъ губерній, невмѣстною, по уваженію, что они разглашеніями своими въ иностранныхъ государствахъ извѣстныхъ имъ внутреннихъ нашихъ положеній и обстоятельствъ могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ или вреднымъ для Россіи послѣдствіямъ, выслать въ разные Россійскіе города, по усмотрѣнію Моему". Разсылая списки съ этого указа губернаторамъ, Вязмитиновъ, съ своей стороны, писалъ, что за тѣми изъ иностранцевъ, которые будутъ подлежать высылкѣ за границу, необходимо учредить бдительный надзоръ со стороны полиціи, но до указанія—черезъ какіе пограничные пункты производить высылку—къ послѣдней не приступать, а для иностранцевъ, которыхъ даже и за границу высылать опасно, каждый губернаторъ долженъ выбрать въ своей губерніи одинъ или нѣсколько городовъ, въ которыхъ и держать ихъ подъ ближайшимъ полицейскимъ надзоромъ.

Гражданскимъ губернаторомъ въ Пермской губерніи въ описываемое время былъ нѣмецъ Богданъ Ивановичъ Гермесъ, опредѣленный на эту должность въ 1811 году послѣ Модераха и замѣщенный потомъ, въ 1818 году, Криднеромъ; начальникомъ надъ Гороблагодатскими заводами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ Воткинскимъ, Вятской губерніи, который съ первыми составлялъ одинъ округъ, былъ также нѣмецъ—Августъ Ѳедоровичъ Мэйеръ, который исполнялъ въ то время эту обязанность, впрочемъ, изъ за должности помощника начальника, такъ какъ дѣйствительный начальникъ оберъбергъ гауптманъ Дерябинъ**) жилъ тогда, кажется, въ Петербургѣ. Удостовѣрять политическую благонадежность нѣмцевъ и перемѣшавшихся съ ними иностранцевъ другихъ національностей привелось, слѣдовательно, нѣмцамъже, что они и исполнили, конечно, съ прирожденною имъ аккуратностію, но за свѣдѣніями о происхожденіи, о времени прибытія въ Россію и, кажется, даже о занятіяхъ каждаго, имъ привелось обращаться къ самимъ-же повѣряемымъ иностранцамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было на Воткинскомъ и Гороблагодатскихъ заводахъ, гдѣ, по предписаніямъ начальника Мэйера, основаннымъ на требованіи губернатора, показанія отъ иностранцевъ отби-

---

*) Министромъ этого недолговѣчнаго министерства былъ, прославившійся доносами на Сперанскаго, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ. *П. Ч.*

**) Главный участникъ въ составленіи «Проэкта Горнаго Положенія», 13 іюля 1806 года и авторъ извѣстнаго «Историческаго описанія горныхъ дѣлъ въ Россіи», приложеннаго къ Высочайше утвержденнымъ докладамъ 1807 года. *П. Ч.*

рали заводскія конторы, при чемъ заставляли ихъ удостовѣрять справедливость своихъ объясненій формальными подписками и приличными документами, которыхъ у большинства въ рукахъ, однакожъ, совсѣмъ не оказывалось. Составлены были тогда и препровождены губернатору, для отсылки въ министерство полиціи, слѣдующіе общіе списки о проживавшихъ на заводахъ иностранцахъ.

На Гороблагодатскихъ заводахъ:

Августъ Мейеръ, оберъ-бергмейстеръ, управляющій Гороблагодатскими заводами, германской націи, урожденецъ гор. Гамбурга; живетъ въ Россіи съ 1787 года, собственнаго дома не имѣетъ, женатъ, имѣетъ троихъ дѣтей*).

Тимофей Роперъ, оберъ-гиттенъ-фервальтеръ, управляющій Туринскимъ заводомъ**), великобританской націи; живетъ въ Россіи съ 1786 года, дома не имѣетъ, женатъ, дѣтей не имѣетъ.

Богданъ Грасгофъ, оберъ-гиттенъ-фервальтеръ, исправляетъ разныя порученія,—саксонской націи; въ Россіи съ 1802 года, дома не имѣетъ, женатъ и имѣетъ троихъ дѣтей.

Александръ Пальмъ, гиттенъ-фервальтеръ, исправляетъ разныя порученія, а какой націи и съ какого года въ Россіи—неизвѣстно; дома не имѣетъ, холостъ.

Яковъ Роперъ, шихтмейстеръ 13 класса, механикъ, великобританской націи; въ Россіи съ 1802 года, дома не имѣетъ, холостъ.

Василій Деза, коллежскій ассесоръ, смотритель туринскаго госпиталя, французской націи; въ Россіи съ 1785 года, дома не имѣетъ, вдовъ.

Осипъ Маквайеръ, коллежскій регистраторъ, помощникъ бухгалтера; въ Россіи съ 1785 года, дома и дѣтей не имѣетъ, женатъ.

Карлъ Постъ, скульпторъ, французской націи; въ Россіи съ 1802 года, дома и дѣтей не имѣетъ, вдовъ.

На Воткинскомъ заводѣ:

Андрей Христофоровъ Эйхгольмъ, лютеранскаго исповѣданія, шведской націи, изъ города Эребро; въ Россію выѣхалъ въ 1801 году и жилъ сначала въ Петербургѣ, а съ 1807 года, по контракту съ горнымъ начальникомъ, опредѣлился на Камскіе заводы, для обученія людей переплетному искусству; въ 1810 году, по поданному на Высочайшее имя прошенію, зачисленъ въ дѣйствительную службу, съ чиномъ унтеръ-шихтмейстера 1-го класса, и, по согласію его, приведенъ къ присягѣ, какъ на вѣрноподданство Россіи,

---

*) Августъ Ѳедоровичъ Мэйеръ въ послѣдніе годы жизни управлялъ имѣніями графини Бутеро-Радали (что нынѣ наслѣдниковъ графа А. П. Шувалова), въ Пермской губерніи и проживалъ въ селѣ Верхне-Муллинскомъ, въ 9 верстахъ отъ гор. Перми. *Ред.*

**) Заводъ этотъ состоялъ тогда, по случаю перестройки, въ особомъ, независимомъ отъ окружнаго, управленія Ропера. *П. Ч.*

такъ и на службу; исправляетъ должность экзекутора по конторѣ и ведетъ себя отлично, какъ истинный россійскій подданный; женатъ на россіянкѣ, вдовѣ, унтеръ-шихтмейстершѣ Катеринѣ Михайловой Москвиной и имѣетъ домъ деревянный, принадлежащій женѣ.

Иванъ Ивановъ Эльсеръ, французской націи, города Монпелье; въ Россію выѣхалъ въ 1805 году и находился, по 1807 годъ, въ Петербургѣ кухмейстеромъ при графѣ Ожаровскомъ, а съ 1807 года по 1809 годъ—въ городѣ Казани, у прапорщика гвардіи Есапова, и съ 1809 года—при горномъ начальникѣ оберъ-берггауптманѣ Дерябинѣ, кухмейстеромъ же; потомъ, по пріѣздѣ въ 1810 году на здѣшній Воткинскій заводъ, принятъ въ дѣйствительную службу, съ чиномъ маркшейдерскаго ученика, и въ томъ же 1810 году принялъ грекороссійское исповѣданіе и былъ помазанъ мνромъ; на подданство Россіи присягалъ въ 1805 году въ С.-Петербургѣ и имѣетъ свидѣтельство въ томъ, которое хранится при дѣлахъ управляющаго Горо-благодатскими заводами; находится при разныхъ командировкахъ по лѣсной части и ведетъ себя добропорядочно; женатъ на россіянкѣ, солдатской дочери Афимьѣ Ивановой,—дѣтей не имѣетъ, дома также.

Іоганъ Людвигъ Бушъ, лютеранскаго исповѣданія, литовской націи, города Митавы; въ Россію выѣхалъ въ 1780 году съ бывшимъ при французскомъ дворѣ уполномоченномъ министромъ княземъ Барятинскимъ, отъ коего онъ имѣетъ свидѣтельство; жилъ до 1807 года въ Петербургѣ, а здѣсь находится,—по контракту, заключенному въ 1807 году съ горнымъ начальникомъ оберъ-берггауптманомъ Дерябинымъ,—при работѣ сѣделъ и обойкѣ мебели; показываетъ, что при вступленіи на всероссійскій престолъ покойнаго Императора Павла I-го былъ у присяги, но никакого письменнаго акта на сіе не имѣетъ, при поступленіи же на оной нынѣ царствующаго Государя Императора Александра I-го у присяги не былъ, по случаю болѣзни; ведетъ себя довольно хорошо, женатъ на иностранкѣ—Маріи Готлебенъ, изъ города Мемеля; дѣтей неимѣетъ, дома также.

Выданное княземъ Барятинскимъ, 26-го октября 1780 года, въ Петербургѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, Бушу свидѣтельство, въ переводѣ гласитъ: „мы, князь Иванъ Барятинскій, уполномоченный министръ при французскомъ дворѣ, кавалеръ святыя Анны и ордена Меча, свидѣтельствуемъ симъ, что Іоганъ Людвигъ Бушъ, литовскій урожденецъ, намъ вѣрно, при нашемъ проѣздѣ изъ Парижа до С.-Петербурга, какъ сѣдельникъ и обойщикъ, служилъ, котораго мы не взяли-бы съ собой, ежели бы не были въ его хорошемъ поведеніи удостовѣрены; для лучшаго-же въ семъ случаѣ доказательства и вѣрности, мы сіе свидѣтельство утверждаемъ приложеніемъ герба нашего печати и своеручнымъ подписомъ“.

Послѣ произведенной повѣрки, ни одинъ изъ числа поименованныхъ здѣсь заводскихъ дѣятелей заграничнаго происхожденія удаленъ съ заводовъ не былъ, такъ какъ по общему, сдѣланному на помянутыхъ спискахъ удостовѣренію начальника Мэйера, „мѣстное начальство отвѣтствуетъ въ

благонадежности и приверженности сихъ господъ чиновниковъ къ Россійской Имперіи". Благонадежность самого Мэйера, зависѣвшая отъ удостовѣренія высшаго начальства, еще не была засвидѣтельствована въ то время, когда онъ ручался за своихъ подчиненныхъ, но обстоятельство это, кажется, не имѣло послѣдствій, какъ и вообще переписка объ иностранцахъ на заводахъ, съ отсылкою приготовленныхъ списковъ губернатору, прекратилась, выяснивъ только, что не для политическихъ смутъ и шпіонства ѣхали они къ намъ, а лишь для болѣе скорой, чѣмъ возможно на родинѣ каждаго изъ нихъ, наживы и для стяжанія блестящихъ карьеръ, о которыхъ, безъ сомнѣнія, мечтали даже и тѣ, которые ничего, кромѣ своихъ переплетныхъ, кухмейстерскихъ и сѣдельныхъ познаній, въ Россію не вывезли.

Подобный же безобидный исходъ получила и другая, предпринятая около того времени повѣрка, относившаяся къ проживавшимъ на заводахъ и вблизи ихъ—старообрядцамъ. Цѣль этой послѣдней состояла, конечно, не въ розысканіи лицъ опасныхъ для насъ по своимъ заграничнымъ связямъ, а въ простомъ ознакомленіи съ ученіями разныхъ, часто мѣнявшихся, старобрядческихъ толковъ, между которыми были, какъ извѣстно, и такіе, которые, своими противосемейными и противообщественными стремленіями, не могли не озабочивать правительство какъ въ мирное такъ и особенно въ смутное военное время.

По вѣдомости, представленной заводскимъ начальникомъ губернатору Гермесу, какъ воткинскіе, такъ и гороблагодатскіе старообрядцы, отнесены были къ тремъ подраздѣленіямъ, именно: а) къ сектѣ поповщинской, б) къ сектѣ поморской и в) къ сектамъ какихъ-то неопредѣленныхъ толковъ, отказывавшихся давать показанія о себѣ.

Самой распространенной и самой старой, едва ли не опередившей даже основаніе заводовъ, оказалась секта поповщинская, прозелитовъ которой насчитано: въ Баранчинскомъ заводѣ 60 мужчинъ и 57 женщинъ, въ деревнѣ Лаѣ 129 мужчинъ и 121 женщина, въ дер. Кедровкѣ 11 мужчинъ и 11 женщинъ, въ Чусовскихъ деревняхъ—Мартьяновой 39 мужчинъ и 47 женщинъ, Волеговой 1 мужчина и 2 женщины, Сулёмѣ 5 мужчинъ и 3 женщины; сколько проживало поповцевъ собственно въ Кушвинскомъ и Воткинскомъ заводахъ, въ моихъ выпискахъ не означено, но во всякомъ случаѣ ихъ было больше оффиціально опредѣленнаго числа, такъ какъ извѣстно, что кромѣ гласныхъ, не мало жило на заводахъ и тайныхъ приверженцевъ раскола. Что же касается ученій этихъ старовѣровъ, то по объясненію собиравшаго о нихъ свѣдѣнія священника, основное положеніе ихъ состояло въ отрицаціи преемственной апостольской власти въ священствѣ, отчего они „въ православную церковь не входятъ и съ правовѣрными на молитвѣ нигдѣ не стоятъ, называя ихъ никоніанами. Священниковъ въ домы свои хотя пріемлютъ и даже нѣкоторые доходами оныхъ довольствуютъ, но ни для какихъ требъ ихъ не призываютъ и къ совершенію таинствъ—исповѣди и крещенія—не допускаютъ, а для сего привозятъ поповъ изъ Иргизскихъ

старообрядческихъ монастырей, у которыхъ исповѣдываются и пріобщаются, по ихъ сказанію, привозимыми оттуда запасными дарами. Мертвыя тѣла погребаютъ при своихъ селеніяхъ, а отпѣваютъ оныя въ тѣхъ же старообрядческихъ монастыряхъ, заочно, и также чинятъ поминовенія надъ усопшими. Читаютъ псалтырь; иконы всѣхъ святыхъ, кромѣ новоявленныхъ въ Россіи, чествуютъ и имѣютъ ихъ у себя въ домахъ, по большей части мѣдныя. Бородъ не брѣютъ и волосъ не стригутъ. По книгамъ читаютъ и поютъ старопечатнымъ, бывшимъ еще до поправленія церковныхъ книгъ въ Россіи. Сложеніе креста пріемлютъ двуперстное. Въ воскресные и господскіе праздники сходятся въ домѣ одного грамотнаго и читаютъ псалтырь. На молитвѣ стоятъ безъ поясовъ, съ монашескими въ рукахъ четками. Священническія увѣщанія хотя и слушаютъ, токмо по нимъ, по заблужденію, отъ обыкновеній, изъ дѣтства запятыхъ, не поступаютъ. Образъ жизни ведутъ земледѣльческій. Дѣтей воспитываютъ въ невѣжествѣ и своихъ заблужденіяхъ. Трапезы съ правовѣрными не раздѣляютъ, а для сего, у себя въ домахъ, имѣютъ особые сосуды. Всѣ почти изъ нихъ не только неучены, но и совсѣмъ безграмотны и тотъ, который умѣетъ читать псалтырь, почитается у нихъ наставникомъ. Въ нравахъ не слишкомъ суровы. Кромѣ этой общей характеристики, въ вѣдомостяхъ содержится указаніе еще на то, что усовъ поповцы не подсѣкаютъ, четырехъ-конечнаго креста не признаютъ, а поклоняются восьми-конечному, младенцевъ вокругъ купели, при крещеніи, и взрослыхъ вокругъ палоя, при вѣнчаніи, водятъ пбсолонь*), своихъ, ставленныхъ въ Саратовской губерніи, поповъ, кромѣ старовѣровъ деревень Мартьяновой, Волеговой и Сулёма, которые не сочли нужнымъ скрывать, что крещеніе, исповѣдываніе и другія требы исправляетъ у нихъ священникъ, проживающій при какой то часовнѣ въ Верхнейвинскомъ заводѣ, не обнаруживаютъ**)

Поморская секта въ Воткинскомъ заводѣ, по показанію собирателя свѣдѣній, появилась съ пріѣздомъ туда въ 1803 г. раскольника Якова Гайдурова—„человѣка грамотнаго и въ сей ереси уже закорѣневшаго“—и въ описываемое время состояла изъ 41 мужчины и 35 женщинъ, въ самомъ заводѣ, и изъ 3 мужчинъ и 6 женщинъ, въ приписанной къ нему деревнѣ Метлякахъ; въ Кушвинскомъ, Гороблагодатскомъ заводѣ она обнаружилась лишь во второй половинѣ 1812 года, послѣ переселенія туда изъ Воткинскаго завода двухъ поморскихъ семей: Макара Васильева Кокшина и Архипа

*) При вѣнчаніи и крещеніи какими священниками совершалось вожденіе «пбсолонь»—не объяснено, но извѣстно, что старовѣры описываемаго толка вѣнчаннымъ предпочитали сводные браки. *П. Ч.*

**) У заводскихъ старообрядцевъ попы скрывались (хоронились) либо въ домашнихъ тайникахъ и подземельяхъ, либо въ лѣсныхъ кельяхъ. На восточномъ склонѣ Урала въ дачѣ Кушвинскаго завода, есть урочище, называемое «Гордѣевымъ жилищемъ», гдѣ жилъ и умеръ какой то Баранчинскій святой; мѣсто упокоенія котораго еще недавно привлекало поклонниковъ и поклонницъ, но потомъ тутъ поставленъ былъ, кажется, заводскій лѣсорубочный курень. Признаки другаго скита существуютъ, говорятъ, у горы Кирпичной, въ В.-Туринской дачѣ. *П. Ч.*

Семенова по фамиліи Семенова же. О воткинскихъ поморахъ сказано, что христіанскія нужды они исправляютъ „по книгамъ Іосифа патріарха и двухъ лѣтъ Никона патріарха, монастыря Данилова поморскаго“, что должно быть, кажется, понимаемо въ томъ смыслѣ, что, признавая священными неисправленныя книги временъ патріаршества Іосифа и первыхъ двухъ лѣтъ патріаршества Никона, раскольники эти причисляли себя къ тому старообрядческому толку, главенство надъ которымъ принадлежало Данилову поморскому монастырю, подобно тому какъ поповщинцы признавали надъ собою главенство иргизскихъ саратовскихъ монастырей; далѣе объяснено, что „секта сія священства никакого не пріемлетъ, крещеніе совершаютъ у нихъ старики или старухи, безъ муропомазанія, вступающіе же въ оную перекрещиваются снова. Святыхъ таинъ не пріобщаются; бородъ не брѣютъ и усовъ не стригутъ; пріемлютъ двуперстное сложеніе креста; съ правовѣрными трапезы не раздѣляютъ и обращенія съ ними, безъ крайней нужды, ни когда не имѣютъ. Дѣтей своихъ воспитываютъ въ невѣжествѣ и своихъ заблужденіяхъ. Всѣ они почти безграмотны, въ нравахъ крайне грубы, упорно защищаютъ свои мнѣнія и все священное почитаютъ оскверненымъ, почему и для народнаго благоденствія, если усилятся, могутъ быть опасны“. Въ отношеніи кушвинскихъ поморскихъ семей, Кокшина и Семенова, сдѣлано примѣчаніе, что они „крестятъ младенцевъ бабушками, а вѣнчаютъ христіанской вѣры священниками“, что отъ непріемлющаго никакого священства ученія составляетъ, по видимому, уже отступленіе*).

Наконецъ, неопредѣленныхъ толковъ сектанты, отказывавшіеся давать о себѣ какія либо показанія, въ Гороблагодатскомъ округѣ жили въ деревнѣ Ослянкѣ, въ числѣ 6 мужчинъ и 7 женщинъ, и въ селеніи Ослянской пристани, въ числѣ 7 мужчинъ и 10 женщинъ; въ Воткинскомъ заводѣ ихъ было нѣсколько больше, но сколько именно—не показано. „Нравомъ сіи мастеровые суровы“—сказано въ объясненіи воткинскаго священника—„особенно изъ нихъ Кожевниковъ (который) крайне жестокъ и язвителенъ“, а объ ослянскихъ 30-ти отщепенцахъ замѣчено только, что священниковъ у нихъ нѣтъ, богослуженій не бываетъ и кто совершаетъ крещеніе, бракосочетаніе и отпѣваніе мертвыхъ—неизвѣстно. Что не всѣ эти сектанты были солидарны во взглядахъ, на религіозныя обязанности, т. е. въ сущности не составляли одной секты, это видно изъ того, что, одни изъ нихъ, не отрицая своей принадлежности къ расколу, не хотѣли только давать объясненій о сущности своихъ ученій, другіе-же сами себя не причисляли къ раскольникамъ, но „какъ они въ церковь вовсе не ходятъ, также и во исповѣдь, а во время хожденія къ нимъ въ домы (священниковъ) креста не цѣлуютъ и смыслъ Священнаго Писанія, не разумѣя хорошо читать, толкуютъ криво и на священство хульныя слова произносятъ, почему

*) Отъ обыкновенія новыхъ прозелитовъ перекрещиваться, поморовъ называли также «перекрещенцами». *П. Ч.*

и считаются отъ насъ (священниковъ) раскольниками, но къ какой сектѣ ихъ должно отнести, то, судя по ихъ мыслямъ и толкамъ, рѣшить трудно".

Ни въ поведеніи, на сколько оно выясняется приведенными выдержками, ни въ вѣрованіяхъ и руководящихъ жизненныхъ правилахъ гороблагодатскихъ и воткинскихъ старообрядцевъ 1812 года, вредныхъ для нашей внутренней и внѣшней безопасности началъ, очевидно, не содержалось. Хотя поморы, по заключенію собирателя свѣдѣній, и должны были причисляться къ категоріи опасныхъ, какъ могли наводить на сомнѣнія и послѣдне-описанные старовѣры невыясненныхъ толковъ, но опасность и тутъ могла подразумѣваться болѣе религіозная, угрожавшая единству вѣры, чѣмъ политическая и гражданская, которая не создается, обыкновенно, ни пассивными сопротивленіями увѣщаніямъ священниковъ, ни замѣченнымъ въ поморахъ упорствомъ въ отстаиваніи своихъ мнѣній. Миръ старообрядческихъ воззрѣній, приведенными объясненіями неподготовленныхъ къ тому священниковъ, не исчерпывался, правда; но этого пославшія ихъ начальства и ожидать не могли, ибо онъ такъ обширенъ, что въ рамку случайной губернаторской вѣдомости уложить его не съ умѣлъ бы и современный знатокъ раскольничьихъ ученій; къ тому-же, не одностороннимъ наблюденіемъ религіозныхъ отправленій старовѣровъ могли выясниться ихъ отношенія къ Богу, къ природѣ, къ человѣчеству, къ человѣческому обществу и къ семьѣ, а общимъ изученіемъ той среды, въ которой часто невозможно бываетъ отличить—гдѣ именно кончается обыкновенная житейская народная мудрость и гдѣ начинаются правила, постановленныя, какъ conditio sine qua non спасенія души: встрѣчается человѣкъ на улицѣ—обязательно поклониться, ибо не ему кланяешся, а ангелу его; не держи въ домѣ собаку, ибо тотъ домъ Богъ не сторожитъ, который собака сторожитъ; не облокачивайся на столъ во время ѣды, ибо Спаситель не облокачивался при своихъ трапезахъ; стегай лошадь всякой вицей, но не стегай осиновой, ибо на осинѣ Іуда повѣсился. До такихъ тонкостей изслѣдователи 1812 года не доходили, конечно, между тѣмъ все это члены не писаннаго сумвола вѣры тѣхъ самыхъ кушванскихъ единовѣрцевъ нашего времени, въ которыхъ метаморфизировались прежніе поповцы, если не ошибаюсь. Во всѣ времена, мѣшавшая изученію міра раскольничьихъ воззрѣній,—скрытность составляетъ, по видимому, также, если не религіозный, то житейскій догматъ гороблагодатскихъ единовѣрцевъ и въ особенности единовѣрокъ новѣйшихъ формацій, среди которыхъ она выражается, чаще всего, въ секретничаньи передъ мужьями, даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ для секретовъ, по видимому, нѣтъ мѣста; такъ, какой бы свободой баба въ домѣ не пользовалась, даже если бы довела эту свободу до держанія мужа подъ башмакомъ, она все таки считаетъ долгомъ не посвящать его въ тайны своего хозяйства и думаетъ, что чѣмъ больше создастъ такихъ тайнъ, тѣмъ будетъ лучше*); если мужъ дома, то продать

*) Эта система утаиваній у бабъ метафорически выражается формулою: «мужу псу не показывай...... всю». *П. Ч.*

на сторону что нибудь изъ хозяйства она согласится развѣ въ крайности, между тѣмъ въ тихомолку, въ отсутствіе мужа, продаетъ что угодно, хотя и знаетъ, что мужъ не запретилъ бы ей продавать и при себѣ, да и выручки не присвоилъ бы. Подобныя этому изобрѣтенія раскольничьяго ума зовутся „бабьими запуками“, но ихъ и между мужиками такъ много, что даже простое перечисленіе увлекло бы въ сторону отъ предмета здѣсь излагаемаго, почему и возвращаюсь пока къ нему.

Политически—неблагонадежныхъ элементовъ между проживавшими на заводахъ иностранцами и старообрядцами, такимъ образомъ, совсѣмъ не оказалось; но за то, не въ обиду будь моей милой родинѣ сказано, не бросались на заводахъ въ глаза и проявленія того энтузіазма, въ предвидѣніи котораго Императоромъ Александромъ I изданъ былъ манифестъ 24 іюля 1812 года; по крайней мѣрѣ, помнится мнѣ, что въ просмотрѣнныхъ старыхъ дѣлахъ заявленія о желаніи съ оружіемъ въ рукахъ постоять за родную землю хотя и попадались, но единичныя, да и тѣ встрѣчали отказы со стороны горныхъ властей, точно также, какъ не обильны были на заводахъ матеріальныя приношенія на алтарь отечества, что однакожъ, легко объяснить ничтожностью, какъ служебныхъ содержаній тогдашнихъ, такъ и заработковъ рабочаго населенія.

Приглашенія къ пожертвованіямъ на военныя цѣли сначала были сдѣланы, обращеннымъ на имя министра полиціи, Высочайшимъ указомъ 11 декабря 1811 года, которымъ повелѣно „составлять ихъ изъ предметовъ, наиболѣе нужныхъ для военнаго употребленія“; рэестръ такихъ предметовъ при указѣ былъ приложенъ, но какъ пересылка, да и самое пріобрѣтеніе ихъ могли затруднять публику, то вскорѣ было разрѣшено принимать также и денежныя приношенія. Собрана была тогда и 31 мая 1812 года отослана по принадлежности какая то сумма и по Пермской губерніи, но еще не успѣла она, кажется, дойти до назначенія, какъ гражданскій губернаторъ Гермесъ получилъ собственноручный рескриптъ Государя, повелѣвавшій употребить собранныя деньги на вооруженіе и обмундированіе вновь формировавшагося Костромскаго 2-го пѣхотнаго полка, возложивъ пополненіе ея, „денежною достаточною, отъ достоянія каждаго, складкою“, кромѣ губерніи Пермской, на дворянство губерній Оренбургской и Казанской также. Чиновники Гороблагодатскихъ заводовъ получили тогда, черезъ пермскаго—бергъ-инспектора Томилова, приглашеніе участвовать въ этой складчинѣ и собрали въ сложности 752 руб. 23 коп., считая въ этой суммѣ 250 руб., пожертвованные начальникомъ Мэйеромъ. Между тѣмъ, 12 іюля 1812 года изданъ новый, приглашавшій къ пожертвованіямъ, манифестъ и сборъ ихъ на заводахъ возобновился, на этотъ разъ уже не съ однихъ дворянъ и чиновниковъ, но и съ другихъ классовъ заводскаго населенія; по крайней мѣрѣ, горный исправникъ Максимовъ, принимавшій, по видимому, самое живое участіе въ сборахъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же года, представилъ собранныя деньги начальнику, при слѣдующей росписи: отъ жите-

лей Н.-Туринскаго завода 45 р. 50 к., В.-Туринскаго завода 345 р. 75 к., непремѣнныхъ работниковъ 10 р. 25 к., Илимской пристани съ деревнями 71 р. 32 к., Серебрянскаго завода съ деревнями 249 р. 30 к.—всего 722 р. 12 к. Пожертвованія чиновниковъ въ этой суммѣ не заключались, такъ какъ ихъ собирали не черезъ исправника, а простымъ удержаніемъ изъ жалованья; сборовъ съ жителей Кушвинскаго и Баранчинскаго заводовъ также не заключалось, такъ какъ они были представлены послѣ; наконецъ, не заключалось пожертвованіе 2-хъ ружей, сдѣланное какимъ то сидѣльцемъ Н.-Туринскаго завода, мѣщаниномъ Трапезниковымъ. Заслуживаетъ упоминанія, что большая часть суммы 345 р. 75 к., пожертвованной жителями В.-Туринскаго завода, подписана тамошними урочниками, представляя отъ имени которыхъ подписной листъ, исправникъ Максимовъ заявлялъ: „сверхъ сего усердія моего (т. е. сбора съ жителей) ко благу общему и для спасенія отечества, жертвуя я изъ собственнаго моего жалованья 25 р., которые также прошу возмѣстить въ свое мѣсто надлежащимъ вычетомъ, аесли нужда отечества еще болѣе настоящаго усилится,—жертвуя самимъ собою, согласно приглашенія правительства, изъясненнаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ“*).

До Гороблагодатскихъ заводовъ, какъ удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій, могли доходить только слабые отголоски того грома, какой разразился надъ Подмосковными губерніями, потому подогрѣвать патріотическій жаръ въ горнозаводскомъ населеніи могли лишь Высочайшіе манифесты, Московскія Вѣдомости, да не всегда вѣрныя извѣстія, доходившія до заводовъ окольными путями. Послѣ оставленія французами Москвы и послѣ того, какъ главная опасность уже миновала, присылались, кромѣ того, время отъ времени, въ одномъ экземплярѣ, печатавшіеся при губернскомъ правленіи, бюллетени—о ходѣ войны, для „распубликованія во всенародное извѣстіе“, но они заключали только сухія извлеченія изъ журнала главнокомандующаго, да офиціальныя донесенія ему начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей о дѣйствіяхъ этихъ послѣднихъ, потому на не спеціалистовъ военнаго дѣла едва-ли могли дѣйствовать особенно возбуждающимъ образомъ; подтвержденіе этого можно видѣть, между прочимъ, въ томъ, что когда губернское правленіе предложило объявить по заводамъ, что желающіе получать отдѣльные бюллетени на свое имя, могутъ уплачивать по 40 коп. за экземпляръ въ губернское правленіе, то такихъ желающихъ на заводахъ не нашлось и начальникъ Мэйеръ долженъ былъ увѣдомить правленіе, что „многіе гг. чиновники получаютъ здѣсь Московскія Вѣдомости, въ которыхъ о военныхъ дѣйствіяхъ сообщается, почему выписка извѣстій губернскаго правленія признается излишнею“.

П. О. Чупинъ.

---

*) Кромѣ объясненныхъ здѣсь, производился еще кружечный сборъ въ церквахъ на разворенныхъ войною жителей Москвы; онъ начался въ 1812 году и нѣсколько лѣтъ продолжался потомъ. *П. Ч.*

Извлеч. изъ I т. Сборн. «Пермск. Край». Пермь. Типограф. Н-ковъ Каменскаго.

